
СОНА СКОФИЛД
НЕНУЖНАЯ ЖЕНА
Алхимическая лавка новой жизни

Сона Скофилд

Ненужная жена. Алхимическая лавка новой жизни

«Автор»
2026

Скофилд С.

Ненужная жена. Алхимическая лавка новой жизни /
С. Скофилд — «Автор», 2026

Вечером я спасла мужу партию защитной пропитки. А он сообщил, что разводится, женится на другой и великодушно оставляет мне место в своей лаборатории.Двенадцать лет я создавала составы, за которые он получал награды. Теперь у меня есть старая лавка с неисправным дымоходом, сто двадцать серебряных и вывеска, на которой впервые стоит мое имя.Я еще не успела продать первый десяток флаконов, когда на пороге появился командир драконьей пожарной стражи. Он принес обожженные перчатки своего подчиненного.На флаконе с опасной пропиткой — фамилия бывшего мужа. Рецепт мой. Обещание защиты «от любого пламени» — его.Командир Рейнард Керн не верит красивым словам. Он требует испытаний, признает собственные ошибки и неожиданно первым за долгие годы спрашивает, чего хочу я.Я хочу, чтобы мою работу больше никто не выдавал за свою. Чтобы в моей лавке было тепло и пахло травами. И чтобы мужчина, который держит меня за руку, однажды вернулся из огня.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На флаконах стояло его имя 5
Глава 2. Назовите ваше имя 31
Глава 3. Честная неудача 56
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Сона Скофилд
Ненужная жена. Алхимическая лавка новой жизни

Глава 1. На флаконах стояло его имя

В тот день, когда муж решил со мной развестись, я испортила три пары дорогих перчаток и спасла партию защитной пропитки стоимостью в четыреста серебряных.

О разводе я тогда еще не знала.

А вот о перчатках жалела искренне.

— Проклятая смола, — пробормотала я, снимая с испытательного стенда последнюю пару.

На ладонной стороне правой перчатки образовалось темное пятно. Пропитка выдержала сухой жар, но после повторного нанесения начала размягчаться. Стоило подать пар, и защитный слой перестал держаться на ткани.

Я записала результат в журнал.

Третья проверка за утро. Третья неудача.

Сама пропитка была хорошей. Надежной, недорогой, удобной для печников и рабочих литейных мастерских. Я разработала ее девять лет назад, когда мы с Эдгаром еще считали каждую медную монету.

Проблема заключалась в другом.

Теперь муж хотел продавать ее не только печникам.

На столе лежал образец новой этикетки.

«Дом Фалька. Надежная защита от любого пламени».

Я посмотрела на надпись, потом на испорченную перчатку.

От любого.

Это слово мне особенно не нравилось.

Отодвинув журнал, я взяла перо и перечеркнула его.

«Для кратковременного воздействия сухого жара», — написала ниже.

Чернила еще не высохли, когда открылась дверь.

— Нора, ты здесь?

Эдгар вошел без стука. Когда-то он всегда стучал, даже в нашей общей спальне, если знал, что я переодеваюсь. В последние годы перестал.

На нем был темно-синий сюртук с серебряной вышивкой. Новый. Я не помнила, чтобы мы его заказывали.

Впрочем, я вообще многое перестала замечать за пределами лаборатории.

— Где же мне еще быть? — спросила я, поднимая испорченную перчатку. — Посмотри. При повторном нанесении слой начинает размягчаться. Если соберешься продавать эту партию для работы с горячим паром, придется менять инструкцию.

— Доброе утро, дорогая.

Я взглянула на него.

— Доброе. Ты слышал, что я сказала?

— Слышал.

Эдгар подошел к столу, но вместо перчатки взял образец этикетки.

— Опять исправила?

— Потому что она неправильная.

— Нора, мы это уже обсуждали.

— Мы обсуждали, что покупателям нужна понятная инструкция. А ты написал, что средство защищает от любого пламени. Это неправда.

Муж тяжело вздохнул.

Он всегда так вздыхал, когда я говорила о свойствах составов дольше одной минуты.

— Людям не нужны твои подробности. Им нужно понимать, за что они платят.

— За защиту, которая работает.

— Именно.

— Тогда нельзя обещать больше, чем она может выдержать.

Он положил этикетку обратно.

— Хорошо. Пусть будет твой вариант. Только не задерживай отправку.

Я хотела объяснить, что дело вовсе не в формулировке. Нужны были дополнительные испытания, если он собирался расширять область применения. Но Эдгар уже посмотрел на настенные часы.

— Сегодня вечером к нам приедут гости. Надеюсь, ты помнишь?

— Из торгового дома Роттов?

— Да.

— Помню.

Я помнила даже то, что он просил меня заказать новые бокалы.

Бокалы я заказала. Вчера их доставили, и управляющая столовой расписалась в получении.

— Хорошо, — сказал муж. — Мне нужно, чтобы все прошло безупречно.

— Посуда уже доставлена. Я проверю, все ли приготовили к ужину.

— Не надо. Я уже распорядился.

Меня это удивило.

Домашними приготовлениями Эдгар обычно не занимался. Гостей он любил, но считал, что красивые скатерти, чистые окна и вовремя поданный ужин появляются сами собой.

— Тогда я успею закончить испытания.

— Конечно.

Он направился к двери, но остановился.

— И еще, Нора. Сегодня на ужин можешь не выходить.

Я подняла голову.

— Почему?

— Будут обсуждаться торговые вопросы. Тебе там будет скучно.

— Мы ведь собирались представить новую линейку.

— Я сам все объясню.

Я посмотрела на три испорченные перчатки.

— Даже про ограничения пропитки?

— Ты опять за свое?

— Я просто спрашиваю.

Эдгар пригладил рукав.

— Дорогая, ты великолепный мастер. Но переговоры лучше оставить мне.

Он произнес это мягко, почти ласково.

Раньше я бы не обратила внимания.

В конце концов, мы действительно так работали много лет. Я отвечала за лабораторию, Эдгар — за покупателей. У каждого было свое дело.

Только почему-то в последние годы на всех наградах стояло его имя.

А на новых флаконах даже не указывали, кто разработал состав.

— Хорошо, — сказала я. — Не буду мешать.

Он заметно расслабился.

— Спасибо. И постарайся сегодня не задерживаться до ночи. Тебе нужен отдых.

Я едва не улыбнулась.

Отдых.

Последние три недели я просила нанять еще одного помощника, потому что не успевала проверять новые партии. Эдгар отвечал, что сейчас не время для дополнительных расходов.

Зато для нового сюртука время нашлось.

Муж ушел.

Я вернулась к столу, убрала испорченные перчатки и открыла рабочий журнал.

На первой странице значилось:

«Дом Фалька. Отдел алхимических разработок».

Ниже стоял номер партии.

Еще ниже — моя подпись.

Нора Фальк.

Я задержала взгляд на фамилии, потом перевернула страницу.

Фамилия, с которой я прожила двенадцать лет. Тогда мне еще казалось, что за ней стоит жизнь, которую мы построили вместе.

К полудню мне удалось установить причину неудачи.

Второй слой пропитки перекрывал поры в первом. При сухом нагреве это не мешало, а вот при попадании пара в ткань влага скапливалась под плотным покрытием и оно начинало отслаиваться.

Я внесла замечание в производственную инструкцию и запретила повторное нанесение без полной очистки ткани.

После этого проверила последние шесть образцов из основной партии.

Они выдержали все испытания, предусмотренные прежним назначением средства.

Можно было отправлять.

Я подписала акт и отдала его помощнику.

— Передай на склад, Лис. И обязательно приложи исправленную инструкцию.

— Господин Фальк просил отгрузить все сегодня.

— Сегодня и отгрузят, если не потеряют документы.

Парень кивнул.

Он работал у нас всего четыре месяца и еще не научился спорить с хозяевами.

С одним хозяином, во всяком случае.

Когда за ним закрылась дверь, я наконец села.

Пальцы неприятно ныли. На указательном осталась тонкая красная полоска от горячего зажима.

Мне было тридцать четыре.

Из них двенадцать лет я провела замужем за Эдгаром Фальком.

Мы познакомились, когда ему было двадцать шесть, а мне двадцать два. Он пришел в небольшую мастерскую моего наставника за составом для очистки печной трубы.

На состав у него не хватило денег.

Зато хватило смелости пригласить меня на свидание.

Он тогда был веселым, немного самоуверенным и совершенно не умел скрывать волнение.

Я согласилась.

Через полгода мы поженились.

У Эдгара была небольшая мастерская, унаследованная от отца, два постоянных покупателя и долгов больше, чем готовой продукции.

У меня — диплом алхимика, несколько собственных разработок и уверенность, что вдвоем мы справимся с чем угодно.

Первые годы действительно были счастливыми.

Я помнила, как мы ужинали прямо в лаборатории, потому что не могли позволить себе прислугу. Как Эдгар однажды продал почти всю праздничную одежду, чтобы купить мне новый перегонный прибор. Как гордо представлял меня покупателям:

«Это Нора придумала. Без нее у нас ничего бы не получилось».

Потом заказов стало больше.

Появились новые работники, большой дом, дорогие экипажи.

Эдгар начал ездить на приемы.

Я оставалась в лаборатории.

Сначала потому, что не могла бросить работу. Потом потому, что ему якобы было неудобно отвлекаться на объяснения.

А еще позже я просто перестала получать приглашения.

Мне казалось, что так бывает во всех долгих браках.

Люди привыкают друг к другу. Перестают говорить комплименты. Реже ужинают вдвоем.

Любовь, думала я, становится спокойнее.

Теперь, вспоминая это, я уже не была уверена, что спокойствие и равнодушие действительно так легко различить.

Но тогда я не собиралась размышлять о браке.

В лаборатории оставалось слишком много работы.

Я проверила еще одну партию, подготовила список сырья на следующую неделю, дважды переписала заявку и только после шести вечера сняла рабочий фартук.

Домой я добралась, когда в окнах уже зажглись огни.

На первом этаже слышались голоса гостей.

Я остановилась в прихожей.

Эдгар все-таки решил устроить большой прием.

Из гостиной доносился смех, звенели бокалы. Кто-то громко рассказывал о новом торговом соглашении.

Я узнала голос мужа.

— Разумеется, мы готовы расширять производство. Наши составы давно заслужили доверие.

Наши.

Я устало улыбнулась этому слову.

Пусть хотя бы оно осталось.

Поднимаясь по лестнице, я заметила женщину в светлом платье. Она стояла возле зеркала, поправляя серьгу.

Молодая, красивая, с гладкими золотистыми волосами.

Селина Ротт.

Я видела ее раньше дважды, оба раза издалека.

Она обернулась.

— Госпожа Фальк?

— Добрый вечер.

Селина быстро оглядела меня.

На моем рукаве осталось пятнышко серой пыли. Волосы я собрала кое-как, а на щеке, как позже выяснилось, был след от рабочего карандаша.

— Вы только из мастерской? — спросила она.

— Да. Пришлось задержаться.

— Наверное, у вас очень много работы.

— Хватает.

Она улыбнулась.

Слишком осторожно.

Словно хотела сказать что-то еще, но передумала.

— Эдгар говорил, что вы предпочитаете не посещать приемы.

Я нахмурилась.

— Говорил?

— Да. Вы так преданы своему делу, что светская жизнь вас совсем не интересует.

В ее голосе не было насмешки.

От этого почему-то стало неприятнее.

— Иногда интересует, — ответила я. — Просто сегодня действительно устала.

— Конечно.

Из гостиной позвали Селину.

Она сразу обернулась на голос.

— Простите. Мне нужно идти.

— Доброй ночи.

Она прошла мимо, оставив после себя легкий цветочный аромат.

Я еще несколько мгновений стояла на лестнице.

Почему-то вспомнилось, что несколько месяцев назад Эдгар попросил меня сменить духи.

Сказал, что прежние слишком резкие.

Я тогда перестала ими пользоваться.

Не потому, что очень любила эти духи.

Просто хотела сделать ему приятно.

В спальне я умылась, переоделась в домашнее платье и расчесала волосы.

Потом села возле окна.

Внизу продолжался прием.

Муж не поднимался.

Я попыталась почитать, но дважды возвращалась к одной странице.

Около десяти в дверь постучали.

— Нора?

— Входи.

Эдгар появился на пороге с бокалом вина.

Он выглядел довольным.

— Гости разъехались? — спросила я.

— Почти. Остались только Ротты, но мы закончили обсуждение.

— Удачно?

— Очень.

Я закрыла книгу.

— Поздравляю.

Он не ответил.

Вместо этого поставил бокал на маленький столик у двери.

— Нам нужно поговорить.

Я посмотрела на него внимательнее.

Он не сел рядом, как делал раньше. Остался стоять, сцепив руки за спиной.

— Что-то случилось?

— В некотором смысле.

Мне не понравился его тон.

Не злой.

Не взволнованный.

Деловой.

Точно такой, каким он сообщал поставщикам, что больше не намерен закупать их товар.

— Говори, — попросила я.

Эдгар посмотрел в сторону окна.

— Я долго думал о нашем браке.

Я почувствовала неприятную тяжесть в животе.

— И?

— Мы оба понимаем, что последние годы живем скорее как партнеры по делу.

— Мы много работаем.

— Не только поэтому.

Он наконец посмотрел на меня.

— Нора, я хочу развестись.

Я услышала его слова.

Каждое по отдельности.

Но поверить, что он говорит это всерьез, я не могла.

— Что?

— Я хочу расторгнуть наш брак.

Несколько мгновений я молчала.

За окном проехал экипаж. Колеса прогрохотали по мостовой.

Я услышала, как кто-то из слуг внизу закрыл дверь.

Обычные звуки.

Мир не остановился.

— Почему? — спросила я.

Эдгар поморщился.

— Не заставляй меня объяснять очевидное.

— Для меня это не очевидно.

Он подошел к камину.

— Мы давно отдалились друг от друга. У нас почти не осталось общих интересов.

— У нас общая мастерская. Общий дом. Двенадцать лет жизни.

— Вот именно. Работа. Хозяйство. Обязанности.

— А ты чего хотел?

Эдгар повернулся.

— Мне нужна жена, Нора. Женщина, с которой я могу выходить в свет, путешествовать, принимать гостей.

Я медленно встала.

— Так приглашай меня.

Он устало потер переносицу.

— Дело не в приглашениях.

— Тогда в чем?

Муж замолчал.

И я вдруг вспомнила Селину Ротт.

Ее осторожную улыбку.

Ее слова о том, что Эдгар рассказывал про меня гостям.

Цветочный аромат.

Новый сюртук.

— У тебя кто-то есть? — спросила я.

Эдгар не ответил сразу.

Этого оказалось достаточно.

— Кто?

— Нора...

— Селина?

Он отвел взгляд.

У меня перехватило дыхание.

— Сколько?

— Что?

— Сколько времени?

— Не думаю, что это имеет значение.

— Для меня имеет.

Эдгар посмотрел на меня с раздражением.

— Восемь месяцев.

Я опустилась обратно на стул.

Восемь месяцев.

Восемь месяцев я проверяла партии, составляла заявки, следила за поставками. Переносила наши ужины, потому что он был занят. Отменяла поездку к морю, потому что у него появились важные переговоры.

Он говорил, что устает.

Что ему нужно больше времени.

Что я должна понять.

Я понимала.

Все восемь месяцев.

— Она знает, что ты женат? — спросила я.

— Разумеется.

— И ее это не смущает?

— Мы собираемся все сделать правильно.

Я подняла на него глаза.

— Правильно?

— Да. Без скандалов. Без унижений. Мы взрослые люди.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

Хорошая, горячая злость.

Она хотя бы помогала дышать.

— Ты восемь месяцев встречался с другой женщиной за моей спиной и теперь хочешь, чтобы мы разошлись без скандала?

— Я не собирался причинять тебе боль.

— Тогда почему причинил?

Он развел руками.

— Чувства меняются.

— За восемь месяцев?

— Все началось гораздо раньше.

Эти слова оказались больнее признания в измене.

— Раньше?

Эдгар сел напротив.

— Пойми, Нора. Я благодарен тебе за все, что ты сделала для нашего дома. Для мастерской. Но благодарность нельзя путать с любовью.

Я смотрела на человека, с которым прожила двенадцать лет.

Он говорил спокойно.

Почти снисходительно.

Будто объяснял мне особенности торгового соглашения.

— Когда ты перестал меня любить? — спросила я.

Он нахмурился.

— Разве это важно?

— Мне важно.

— Я не знаю точного дня.

— Хотя бы года?

— Нора, пожалуйста.

Я отвернулась.

Потому что не хотела плакать при нем.

Не сейчас.

Не тогда, когда он уже решил, что наша жизнь закончилась.

— Ты собираешься жениться на ней?

— Да.

Прямой ответ.

Без паузы.

— Когда?

— После оформления развода.

Я рассмеялась.

Звук получился некрасивым, почти болезненным.

— Как удобно.

— Не надо так.

— А как надо, Эдгар? Пожелать вам счастья?

Он поднялся.

— Я хотел поговорить по-человечески.

— По-человечески ты мог поговорить восемь месяцев назад.

Муж ничего не ответил.

Я посмотрела на обручальное кольцо.

Тонкий золотой ободок. На внутренней стороне была выгравирована дата свадьбы.

Мы выбирали кольца вместе.

Тогда Эдгар настоял на простых, потому что денег на дорогие не хватало.

Я сказала, что мне все равно.

И действительно было все равно.

— А что будет с мастерской? — спросила я.

Муж словно только этого и ждал.

— Я как раз хотел обсудить.

Он подошел к письменному столу и достал из кожаной папки несколько листов.

Значит, он готовился к этому разговору, пока я еще ничего не подозревала.

— Дом Фалька останется за мной, — сказал Эдгар. — Ты знаешь, предприятие принадлежало еще моему отцу.

— Знаю.

— Но я готов предложить тебе хорошие условия.

Он положил бумаги передо мной.

Я не стала их брать.

— Какие?

— Ты сможешь продолжать работать в лаборатории. На прежних условиях. Конечно, уже как приглашенный мастер.

Я медленно повернула голову.

— Что?

— Твое место никто не собирается занимать. Мы заключим договор. Ты будешь получать жалованье, сможешь спокойно заниматься составами.

— Под твоим руководством?

— Ну разумеется. Я владелец предприятия.

На какое-то мгновение я даже забыла об измене.

— Ты предлагаешь мне развестись с тобой, а потом каждый день приходить в нашу мастерскую и работать на тебя?

— На предприятие, Нора. Не нужно все воспринимать лично.

Я уставилась на него.

Он действительно не понимал.

Или настолько привык, что я всегда соглашалась, что не видел ничего странного в своем предложении.

— А Селина? — спросила я.

— Что Селина?

— Она тоже будет работать с тобой?

— Ее семья входит в число наших торговых партнеров. Со временем она займется представительской частью.

Я кивнула.

— Значит, ты будешь руководить предприятием, твоя новая жена — принимать гостей, а я — сидеть в лаборатории.

— Ты сама всегда предпочитала лабораторию.

— Потому что кому-то нужно было работать.

Лицо Эдгара изменилось.

— Вот теперь ты несправедлива.

— Правда?

— Я тоже много сделал для нашего успеха. Без моих связей твои составы до сих пор продавались бы в нескольких лавках.

— Возможно.

Он явно не ожидал, что я соглашусь.

— Но без моих составов, — продолжила я, — тебе нечего было бы продавать.

Эдгар нахмурился.

— Я не собираюсь спорить, чей вклад важнее.

— А я, кажется, впервые собираюсь.

Он долго смотрел на меня.

Потом выдохнул.

— Нам обоим нужно успокоиться. Почитай документы завтра. Я не хочу, чтобы ты принимала решения сгоряча.

— Я ничего не подпишу сегодня.

— Хорошо.

Эдгар явно обрадовался.

Должно быть, решил, что еще сумеет уговорить меня остаться в мастерской.

— И еще, — добавила я. — Не приходи сегодня спать сюда.

Улыбка исчезла с его лица.

— Нора, это и моя спальня.

— Тогда я уйду.

Я встала.

Он не двинулся.

— Не будь ребенком.

Я подошла к шкафу и достала небольшой дорожный саквояж.

Руки дрожали.

Пришлось дважды застегивать пряжку.

Я положила внутрь ночную рубашку, сменное белье, две пары чулок, гребень и старый шерстяной платок.

Эдгар наблюдал молча.

Когда я взялась за саквояж, спросил:

— Куда ты собираешься?

— В гостевую комнату.

Он облегченно выдохнул.

— Хорошо. Завтра поговорим.

Я остановилась в дверях.

— Эдгар.

— Да?

— Ты хотя бы иногда вспоминал, что я твоя жена? Пока встречался с ней?

Он открыл рот.

Но ничего не сказал.

Я закрыла дверь.

В гостевой комнате было холодно.

Я села на край постели, не снимая платья.

На коленях лежал саквояж.

В какой-то момент я поняла, что все еще держу его за ручку.

Пальцы побелели.

Я заставила себя разжать ладонь.

Мне хотелось кричать.

Разбить что-нибудь.

Вернуться в спальню и потребовать, чтобы муж назвал хоть одну причину, по которой двенадцать лет можно перечеркнуть так спокойно.

Но сил не осталось.

Я сняла платье, оставила его на стуле и надела ночную рубашку. На то, чтобы разобрать постель, сил уже не хватило: я легла поверх покрывала, укрывшись платком, и впервые за много лет заснула одна.

Утром я проснулась раньше обычного.

Первой мыслью было, что сегодня нужно проверить новую поставку смолы.

Второй — что муж хочет со мной развестись.

Я села на постели.

За окном светало.

На соседней улице открывали булочную. Я приоткрыла окно, и в комнату потянуло запахом свежего хлеба.

Потом я заметила на стуле вчерашнее платье.

И вспомнила все.

Восемь месяцев.

Селина.

Новая свадьба.

«Ты сможешь продолжать работать в лаборатории».

Меня затошнило.

Я долго сидела, глядя на пол.

Потом встала, умылась холодной водой и оделась.

На завтрак я не спустилась.

Вместо этого разложила на столе бумаги, которые принес Эдгар.

И начала читать.

За годы работы мне приходилось разбираться в договорах на поставку сырья, условиях оплаты, обязательствах перед покупателями.

Это было скучно, но необходимо.

Теперь необходимость касалась меня самой.

Предприятие действительно принадлежало семье Фальков еще до нашей свадьбы. Дом, производственные помещения и торговая вывеска были оформлены на Эдгара.

Но в браке мы приобрели оборудование, расширили склад и вложили общие средства в ремонт.

По закону я имела право на имущественную долю.

Эдгар предлагал два способа раздела.

Первый — денежная выплата частями в течение полугода.

Второй — передача старой лавки в Медном ряду, некоторого оборудования и ста двадцати серебряных сразу.

Я прочитала второй пункт трижды.

Лавка.

Та самая, которую мы купили несколько лет назад для продажи простых бытовых составов.

Она никогда не приносила большого дохода.

Потом мы открыли парадный торговый зал при главном доме, и старое помещение постепенно опустело.

Эдгар несколько раз предлагал его продать.

Я просила не торопиться.

Тогда сама не могла объяснить почему.

Теперь смотрела на адрес и чувствовала, как среди боли появляется что-то похожее на мысль о будущем.

Медный ряд.

Небольшой торговый зал.

Рабочая комната.

Кладовая.

И жилое помещение наверху.

Маленькое.

Зато свое.

Я взяла чистый лист и начала считать.

Для серьезного производства этого было недостаточно.

Но небольшие партии бытовых составов можно было делать и там, если привести помещение в порядок и получить разрешение.

Я знала поставщиков.

Умела работать с простым сырьем.

У меня был собственный набор рецептов еще со времен учебы, а кроме того, множество идей, которые так и не дошли до производства.

Не все мои знания принадлежали Дому Фалька.

Я отложила первый договор и взяла следующий.

Вот здесь начиналось самое неприятное.

Девять лет назад, когда мы расширяли предприятие, я подписала соглашение о передаче шести коммерческих формул.

Тогда это казалось естественным.

Для производства требовались деньги, оборудование, новые работники. Банк требовал ясных прав на товар, который собирался кредитовать.

Мы были супругами.

Я не представляла, что когда-нибудь придется выяснять, кому принадлежат мои собственные разработки.

Теперь выяснять приходилось.

Шесть формул были перечислены по номерам.

Среди них — защитная пропитка, над которой я работала вчера.

Производить и продавать ее самостоятельно я не могла.

Зато соглашение ничего не говорило о моих прежних учебных записях, бытовых составах, созданных вне этого договора, и будущих разработках на другой основе.

Я перечитала этот пункт внимательно.

Потом еще раз.

Мне было страшно.

Не из-за формул.

Из-за того, что впервые за двенадцать лет я должна была решать все сама.

Без общей кассы.

Без привычного заказа сырья через управляющего.

Без уверенности, что завтра мне выплатят деньги на хозяйство.

Я почти не помнила, когда в последний раз назначала цену собственному труду.

В дверь постучали.

— Госпожа? — раздался голос горничной. — Господин Фальк просил передать, что экипаж будет готов к одиннадцати.

— Куда?

— В городскую палату. Для оформления бумаг.

Я посмотрела на часы.

Половина девятого.

Даже время моего развода он уже выбрал.

— Передайте, что я приеду самостоятельно.

— Но господин...

— Я услышала. Спасибо.

Горничная замолчала.

Потом тихо сказала:

— Хорошо, госпожа.

Я собрала бумаги.

Через двадцать минут уже сидела в наемном экипаже.

Сначала поехала не в палату.

А к служащей, которая занималась имущественными соглашениями.

Адрес сохранился с прошлого года, когда мы оформляли покупку дополнительного склада.

Женщину звали госпожа Варн.

Она оказалась невысокой, седоволосой и чрезвычайно внимательной.

— Развод? — переспросила она, пробежав глазами бумаги.

— Да.

— Дети есть?

— Нет.

— Соглашение добровольное?

Я помедлила.

— Муж хочет развестись. Я не собираюсь его удерживать.

Госпожа Варн посмотрела на меня поверх очков.

— Я спрашиваю не о чувствах. Вас принуждают принять эти условия?

— Нет. Но я хочу понять, что подписываю.

— Разумное желание.

Она разложила листы на столе.

Мы просидели почти час.

Выяснилось, что Эдгар действительно имел право сохранить семейное предприятие, но не мог просто лишить меня доли, приобретенной за годы брака.

Предложение с лавкой выглядело законным.

Не особенно щедрым.

Но и не обманным, если ее состояние соответствовало описанию.

— Помещение старое, — предупредила госпожа Варн. — Перед принятием желательно осмотреть.

— Я его знаю.

— Знать и владеть — разные вещи.

Она постучала пером по последнему листу.

— Деньги должны быть переданы при подписании, не позднее. Оборудование перечислить отдельно. И проверьте, чтобы в соглашении не оказалось запрета на вашу будущую профессиональную деятельность.

Я нахмурилась.

— Такое возможно?

— Иногда пытаются включать.

Мы прочитали все страницы еще раз.

Запрета не было.

Зато нашелся пункт о конфиденциальности прежних коммерческих рецептов.

Госпожа Варн объяснила его простыми словами.

— Вы не сможете продавать те шесть составов и передавать их формулы посторонним. Но ваше ремесло вам никто не запрещает. Новые разработки, если они самостоятельные, будут принадлежать вам.

Я посмотрела на свои руки.

На короткие ногти.

На тонкий ожог на указательном пальце.

— Значит, я могу снова работать алхимиком?

Она удивилась.

— Разумеется.

И почему-то именно от этого простого ответа у меня защипало глаза.

Потому что вчера вечером мне почти удалось поверить Эдгару.

Что без его мастерской мне некуда идти.

Что работа в его лаборатории — единственный разумный выход.

Я заплатила за консультацию и отправилась в палату.

Эдгар уже ждал.

Рядом с ним стоял молодой помощник с кожаной папкой.

Муж посмотрел на часы.

— Я думал, ты передумала приезжать.

— Нет.

— Почему отказалась от экипажа?

— Мне было удобнее добраться самой.

Он удивленно поднял брови, но промолчал.

Мы прошли в небольшой кабинет.

Служащий проверил наши имена, дату свадьбы, отсутствие общих несовершеннолетних детей и перечень имущества.

Затем предложил ознакомиться с соглашением.
— Я выбираю лавку, — сказала я.
Эдгар повернул голову.
— Что?
— Второй вариант. Помещение в Медном ряду, оборудование и сто двадцать серебряных.
Он явно ожидал другого.
— Нора, зачем тебе эта развалюха?
— Там есть торговый зал и лаборатория.
— Лаборатория? Там даже нормальной вытяжки нет.
— Исправлю.
Муж покачал головой.
— Ты не представляешь, сколько денег потребуется.
— Представляю.
— Для чего тебе это? Я ведь предложил продолжить работу у нас.
— У тебя, Эдгар. Теперь это будет твоя мастерская.
Он сжал губы.
Служащий деликатно кашлянул.
— Если стороны согласны, я внесу выбранный вариант в окончательную запись.
— Подождите, — сказал муж. — Нора, давай поговорим.
Я повернулась к нему.
— О чем?
— Не нужно принимать решение из обиды.
— Я принимала его сегодня утром. После консультации.
Он нахмурился.
— С кем ты консультировалась?
— С человеком, который разбирается в имущественных соглашениях.
— Могла спросить меня.
— Я и так много лет спрашивала тебя.
Он отступил на шаг.
Я сама удивилась тому, как спокойно это прозвучало.
Не грубо.
Не победно.
Просто правда.
Эдгар посмотрел на служащего.
— Хорошо. Лавка так лавка.
Я не позволила себе расслабиться.
— И деньги при подписании. Все сто двадцать серебряных.
— Разумеется.
— А оборудование нужно перечислить отдельно.
Муж раздраженно выдохнул.
— Нора, ты собираешься торговаться из-за старых весов?
— Я собираюсь забрать то, о чем мы договорились.
Служащий взял новый лист.
Мы составили перечень.
Точные весы с латунными чашами.
Два набора жаропрочной посуды.
Малый сушильный шкаф.
Рабочий стол.
Набор зажимов и мерных пластин.

Старый перегонный прибор, который давно не использовали в большой лаборатории.

Часть оборудования нуждалась в ремонте.

Но оно было моим.

Только моим.

Когда служащий перешел к вопросу профессиональных записей, я попросила отдельно указать право забрать личные учебные материалы и тетради с разработками, не входящими в коммерческий перечень Дома Фалька.

Эдгар впервые за утро посмотрел на меня внимательно.

— Какие еще разработки?

— Мои.

— Нора, все твои разработки находятся у нас в мастерской.

— Не все.

— Я бы хотел их проверить.

— Имеешь право проверить, что я не забираю формулы по нашему соглашению. Остальное останется моим.

Он открыл рот, но служащий вмешался:

— Это соответствует условиям договора.

Эдгар замолчал.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что он совершенно не знал, над чем я работала в свободное время.

Мы жили вместе.

Ужинали за одним столом.

Спали в одной постели.

И все же мой муж не представлял, что в моих старых тетрадях хранятся десятки небольших замыслов.

Средство от сырости.

Состав для очистки каминного стекла.

Мягкая пропитка для рабочих фартуков.

Порошок, который помогал удалить въевшуюся сажу с камня.

Ничего великого.

Ничего достойного дворцовой награды.

Но все это можно было продавать.

И все это придумала я.

Оформление заняло еще больше часа.

После подписания служащий подтвердил завершение развода, выдал нам заверенные документы и объяснил порядок внесения изменений в городскую имущественную книгу.

Передо мной лежала бумага с печатью.

Двенадцать лет брака закончились несколькими подписями.

Я ждала, что почувствую облегчение.

Или отчаяние.

Но сначала не почувствовала ничего.

Только усталость.

Эдгар передал мне опечатанный денежный пакет и расписку о передаче оборудования.

Я пересчитала деньги при служащем.

Сто двадцать серебряных.

Ровно столько, сколько было указано в договоре.

Муж наблюдал с неприятным выражением лица.

— Ты мне совсем не доверяешь?

Я подняла голову.

— В вопросах денег больше не хочу ошибаться.

Он отвернулся.

Когда мы вышли на улицу, моросил мелкий дождь.

Эдгар раскрыл зонт.

По привычке сделал шаг ко мне, собираясь прикрыть от воды.

Я отступила.

Он замер.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Два человека, которые еще вчера назывались мужем и женой.

— Нора, — произнес он наконец. — Надеюсь, со временем мы сможем общаться нормально.

Я посмотрела на него.

— По рабочим вопросам, если понадобится.

Он вздохнул.

— Не обязательно только по рабочим.

Я едва не спросила, зачем ему это.

Но удержалась.

Похоже, он не хотел терять привычного человека: того, кто выслушивал и оставался рядом, если что-то шло не так.

Только теперь я больше не была обязана занимать это место.

— Мне пора, — сказала я.

Эдгар кивнул.

— Когда заберешь вещи?

— Сегодня и завтра. Я пришлю перечень.

— Хорошо. И Нора...

Я остановилась.

— Что?

— Не забудь, что на следующей неделе у нас большая поставка. Если захочешь временно подработать...

Я смотрела на него, пока он не замолчал.

Потом ответила:

— Найми алхимика, Эдгар.

И пошла к стоянке экипажей.

Лишь когда свернула за угол, поняла, что плачу.

Слезы текли сами.

Я вытирала их рукавом и злилась на себя.

Не потому, что мне было стыдно.

А потому, что боль никак не соответствовала тому спокойствию, с которым я только что разговаривала.

Я все еще любила человека, которого когда-то встретила в маленькой мастерской.

Того молодого Эдгара, который покупал мне яблоки по дороге домой и радовался каждой удачной партии больше меня.

Но рядом со мной уже давно жил другой мужчина.

И сегодня я впервые перестала делать вид, что не замечаю разницы.

К старой лавке я приехала около четырех.

Дождь прекратился.

Медный ряд располагался недалеко от восточной городской стены. Здесь продавали ткань, рабочую одежду, хозяйственные товары, чай и простые магические принадлежности.

Улица была не особенно богатой, зато оживленной.

Люди шли мимо с корзинами. Кто-то спорил о цене яблок. Из пекарни на углу пахло корицей.

Я остановилась перед двухэтажным зданием с узкими окнами.

Когда-то на вывеске значилось:

«Дом Фалька. Малая алхимическая лавка».

Теперь от надписи сохранились только несколько выцветших букв.

Краска облупилась.

Дверь была заперта.

Я достала полученный ключ.

Замок поддался не сразу.

Пришлось дважды повернуть его и толкнуть дверь плечом.

Внутри пахло пылью, холодным деревом и старой штукатуркой.

Я вошла.

Первым делом увидела пустые полки.

Потом трещину на подоконнике.

А потом — пятно на потолке возле задней стены.

— Ну здравствуй, — тихо сказала я.

Под ногой скрипнула рассохшаяся доска.

Я закрыла дверь и медленно обошла помещение.

Торговый зал был небольшим, но светлым. Два окна выходили на улицу. У дальней стены стоял прилавок, на котором толстым слоем лежала пыль.

За ним находилась рабочая комната.

Здесь было хуже.

Старая вытяжная труба нуждалась в проверке. Один из столов рассохся. В углу валялись остатки упаковочной бумаги.

Зато стены были целыми.

Каменная печь выглядела исправной.

И через маленькое окно проникало достаточно света.

Я открыла ставню.

Окно выходило на узкий двор, где кто-то развесил цветные простыни.

Не роскошно.

Не красиво.

Но работать можно.

На втором этаже оказались спальня, крохотная кухня и помещение, которое прежние жильцы, вероятно, использовали как кладовую.

В спальне помещались кровать, шкаф и столик.

Окно выходило на городскую стену.

За ней поднимались зеленые холмы.

Я постояла возле окна, прислушиваясь к шуму улицы.

Внизу кто-то громко смеялся.

Потом хлопнула дверь.

И послышались шаги.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Я спустилась.

В торговом зале стояла женщина лет сорока пяти, с рыжеватыми волосами, собранными в тугой узел.

В руках она держала корзину с тканью.

— Простите, дверь была не заперта, — сказала незнакомка. — Я решила проверить, не поселились ли тут наконец люди.

— Поселились.

Женщина окинула меня внимательным взглядом.

— Надолго?

Я растерялась.

— Надеюсь.

— Хорошо бы. А то пустая лавка портит всю улицу.

Она поставила корзину на пол.

— Ида Марн. Швейная мастерская слева. А вы?

Я открыла рот.

И запнулась.

Нора Фальк.

Так я представлялась двенадцать лет.

Но сегодня при оформлении развода я вернула себе девичью фамилию и еще не привыкла произносить ее вслух.

— Нора Бренн, — сказала наконец.

Женщина протянула руку.

— Очень приятно, госпожа Бренн. Чем торговать собираетесь?

— Алхимическими составами. Бытовыми, защитными. Пока небольшими партиями.

— Значит, от сырости что-нибудь будет?

— Будет.

— Отлично. У меня в дальнем углу ткань каждый год отсыревает. Уже устала перекладывать рулоны.

Я улыбнулась.

Впервые за весь день по-настоящему.

— Когда откроюсь, приходите. Посмотрю, что можно сделать.

— А когда откроетесь?

— Надеюсь, скоро.

Ида посмотрела на потолок.

— Тогда начинайте с трубы.

— Я заметила.

— Нет, дорогая, не заметили. Если бы заметили, уже стояли бы на улице и ругались.

Я удивленно взглянула на нее.

Ида показала наверх.

— Прошлой зимой здесь пытался работать один сапожник. Растопил печь, а дым пошел в комнату. Он потом три дня рассказывал, что лавка проклята.

Я нахмурилась.

— Дымоход забит?

— Или заслонка заклинила. Позовите Борана. Живет через две улицы, рядом с колодцем. Он печи ремонтирует. Только не соглашайтесь на первую названную цену.

— Почему?

— Потому что назовет вдвое больше.

Я невольно рассмеялась.

— Спасибо.

Ида кивнула.

Потом посмотрела на мои руки.

На следы ожогов и красные полоски от зажимов.

— Вы ведь не торговка, правда?

— Алхимик.

— Это я уже поняла. Спрашиваю, торговали раньше сами?

Я покачала головой.

— Нет. Работала в мастерской мужа.

— А теперь?

Я на мгновение замолчала.

Ида не торопила.

— Теперь бывшего мужа, — ответила я.

Она не ахнула.

Не начала расспрашивать, что произошло.

Только кивнула.

— Понятно.

Подняла корзину.

— Тогда вот вам первый бесплатный совет, госпожа Бренн. Никому не говорите, что вам срочно нужны покупатели.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Почему?

— Потому что тогда каждый второй решит, что может заплатить в следующем месяце. А следующий месяц у таких людей никогда не наступает.

Я снова улыбнулась.

— Учту.

— И цены не занижайте. Дешевое люди либо не ценят, либо подозревают.

Она направилась к двери.

На пороге обернулась.

— Если понадобится ведро, тряпка или лестница, заходите. У меня все есть. Только возвращайте.

— Обязательно.

Ида уже собиралась выйти, но вдруг остановилась.

— И еще. Вы обедали?

Я растерялась.

Вспомнила, что утром выпила только чай.

— Кажется, нет.

— Вот именно. Через полчаса у меня будет горячий суп. Приходите с миской.

— Не хочу вас обременять.

— Не обремените. Я сварила столько, что неделю есть придется.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой.

Я долго смотрела ей вслед.

Странная женщина.

Незнакомая.

Совершенно чужая.

И за несколько минут разговора она проявила ко мне больше простого человеческого внимания, чем Эдгар за последние недели.

Мне снова захотелось плакать.

Но теперь я сдержалась.

Работы было слишком много.

Я закатала рукава, нашла в кладовой старое ведро и начала мыть пол.

Через час поняла, что совершила первую ошибку.

Не следовало начинать с пола.

Сначала нужно было проверить крышу, дымоход, окна и двери. Потом заказать ремонт. И только затем убирать.

Я стояла посреди зала, глядя на грязную воду, когда кто-то постучал.

Ида.

С двумя мисками горячего супа.

— Так и знала, что не придете, — объявила она.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Ешьте.

Я хотела возразить, но желудок предательски заурчал.

Ида довольно кивнула.

— Вот. А то некоторые думают, что после развода можно жить одним упрямством.

Я застыла.

Она подняла бровь.

— Не смотрите так. Я сама разводилась. Двадцать лет назад. Муж считал, что я без него не сумею даже купить ткань.

— И сумели?

— Купила целую мастерскую.

Она протянула мне ложку.

— Но сначала научилась есть вовремя.

Мы устроились на старых ящиках возле окна.

Суп был густым, горячим и немного пересоленным.

Я съела все.

Ида не расспрашивала меня о муже.

Вместо этого рассказывала про улицу.

Про пекаря, который начинал работу в четыре утра.

Про торговца стеклом, способного достать любую банку, если дать ему три дня.

Про хозяина соседнего склада, который не любил платить за уборку.

Я слушала.

И впервые за день перестала мысленно возвращаться к разговору с Эдгаром.

Когда Ида ушла, я поднялась наверх и достала деньги.

Сто двадцать серебряных.

Разложила монеты на столе.

Потом взяла лист бумаги.

Разрешение на торговлю и проверка помещения.

Ремонт дымохода.

Оконные рамы и замки.

Простейшая тара.

Сырье.

Небольшой запас на еду и прочие расходы.

Я считала долго.

Перечеркивала одни цифры, вписывала другие.

Даже при самом экономном варианте оставалось меньше трети суммы.

И это без серьезного ремонта.

Я еще раз посмотрела на столбцы.

Мастерская Эдгара за месяц тратила столько, сколько мне сейчас хватило бы на несколько лет скромной жизни.

Раньше эти суммы казались почти отвлеченными.

Теперь каждая монета имела значение.

Я вспомнила предложение мужа.

Вернуться.

Сесть за привычный стол.

Получать жалованье.

Не думать об аренде, поставщиках и проверках.

Было бы легче.

Наверное.

Но я представила, как однажды утром Селина войдет в лабораторию и попросит меня подготовить для нее подарок к годовщине свадьбы.

Или как Эдгар станет объяснять очередному покупателю, что все новые разработки созданы его предприятием.

А я снова промолчу.

Нет.

Пусть у меня будет маленькая лавка.

Пусть придется мыть полы, считать каждую монету и самой договариваться с поставщиками.

Я больше не хотела работать в доме, где мое имя можно было убрать с флакона, а меня саму — из семьи.

На следующий день за вещами я приехала вместе с двумя нанятыми грузчиками.

Эдгара дома не оказалось.

Меня встретила управляющая.

Она выглядела растерянной.

— Госпожа Фальк...

— Бренн, — поправила я.

Женщина моргнула.

— Простите. Госпожа Бренн.

Я попросила показать, какие вещи подготовлены к передаче.

Из лаборатории должны были вынести приборы по перечню.

Сначала мы проверили их состояние.

Весы оказались исправными.

Один зажим был погнут.

У сушильного шкафа не хватало боковой ручки.

Я внесла замечания в расписку и попросила управляющую подтвердить повреждения.

Потом забрала личные вещи из спальни.

Одежду.

Книги.

Старую шкатулку с письмами от матери.

Несколько фотографических пластинок.

И керамическую чашку, которую Эдгар подарил мне в первый год брака.

Я долго держала ее в руках.

На боку была маленькая трещина.

Когда-то он случайно уронил чашку, потом сам пытался ее склеить.

Получилось плохо.

Но я все равно пользовалась ею.

Потому что это был его подарок.

Теперь я не понимала, зачем забираю.

Наверное, потому что не хотела, чтобы ее выбросили.

Или потому, что еще не умела отделять счастливые воспоминания от человека, который причинил мне боль.

Я завернула чашку в платок и положила в ящик.

Последними оставались рабочие записи.

Мы с управляющей и представителем мастерской сверили перечень коммерческих журналов.

Шесть переданных формул остались в архиве Дома Фалька.

Я не переписывала их и не забирала производственные копии.

Зато получила свои старые учебные тетради, личные заметки и записи опытов, не относившиеся к договорным составам.

Одна из тетрадей была настолько потрепанной, что едва держалась на нитках.

На первой странице я нашла собственную подпись.

Нора Бренн.

Мне было двадцать лет, когда я ее поставила.

Ни мужа.

Ни большого предприятия.

Ни дорогих флаконов.

Только желание стать хорошим алхимиком.

Я провела пальцем по выцветшим буквам.

И осторожно закрыла тетрадь.

Когда мы закончили, в лабораторию вошел Эдгар.

Он остановился в дверях.

Сначала посмотрел на ящики.

Потом на пустое место возле рабочего стола.

— Ты действительно все забираешь?

— Все, что указано в соглашении.

— Даже старый сушильный шкаф?

— Да.

Он прошел к столу.

Коснулся ладонью поверхности, на которой я работала много лет.

— Нора, я надеялся, что ты передумаешь.

— Насчет чего?

— Насчет работы.

Я посмотрела на него.

Он выглядел уставшим.

Под глазами появились темные круги.

На мгновение я почувствовала привычное желание спросить, хорошо ли он спал.

Но не спросила.

— Я не вернусь, Эдгар.

— Ты прекрасный алхимик. Но торговля — совсем другое дело.

— Научусь.

— И сколько ты собираешься зарабатывать на своей маленькой лавке?

— Пока не знаю.

Он раздраженно провел рукой по волосам.

— Вот именно. Не знаешь. А я предлагаю стабильность.

Я вдруг устала от этого слова.

Стабильность.

Он произносил его так, словно предлагал мне подарок.

Хотя все, что я хотела, — больше не зависеть от его решений.

— Ты уже выбрал, какой будет твоя жизнь, — сказала я. — Теперь позволь мне выбрать свою.

Муж посмотрел на меня долго и внимательно.

— Я не хотел, чтобы все закончилось враждой.

— Я тоже.

— Тогда почему ты ведешь себя так, будто мы враги?

Я вздохнула.

— Потому что ты все время пытаешься вернуть меня туда, откуда сам выгнал.

Он вздрогнул.

— Я тебя не выгонял.

— Из брака — выгнал. Из дома — тоже. А теперь предлагаешь оставить мне место в лаборатории, словно это должно все исправить.

— Я пытаюсь помочь.

— Нет, Эдгар. Ты пытаешься сделать так, чтобы тебе было удобно.

Он отвел взгляд.

Мне не стало легче.

Я не почувствовала торжества.

Передо мной стоял человек, которого я когда-то очень любила.

И даже сейчас мне было больно видеть его растерянным.

Но возвращаться я не собиралась.

Грузчики вынесли последний ящик.

Я взяла сумку.

Эдгар неожиданно произнес:

— Ты ведь понимаешь, что покупатели знают имя Фалька?

Я остановилась.

— Понимаю.

— Они покупают наши составы потому, что доверяют этому имени.

Я повернулась к нему.

— Значит, мне придется заслужить доверие к своему.

Он усмехнулся.

Не зло.

Скорее с неверием.

— Посмотрим.

Я кивнула.

— Посмотрим.

И вышла.

В этот раз он не пошел за мной.

К вечеру вещи были доставлены в лавку.

Я успела договориться с мастером о проверке дымохода, заказать ремонт замка и подать документы на разрешение торговли.

Проверку назначили на следующее утро.

Если помещение соответствовало требованиям, я могла открыться уже к обеду.

До того нужно было сделать невозможное.

Вернее, так мне казалось, когда я посмотрела на пыльные полки и ящики, загромоздившие половину зала.

Я принялась за работу.

Сначала освободила проходы.

Потом расставила приборы в рабочей комнате.

Разобрала личные записи.

Из старых учебных тетрадей выбрала три простых состава для первого ассортимента.

Средство для защиты стен от сырости.

Очищающий состав для рабочей одежды.

Мягкий уход для драконьей чешуи после воздействия жара.

Все три я умела готовить небольшими партиями, без дорогого оборудования.

Для начала хватит.

Первые образцы я смешала холодным способом, только для внутренней проверки. Печь до ремонта дымохода не растапливала, а продавать что-либо до разрешения не собиралась.

Когда с улицы донесся вечерний колокол, я поняла, что весь день почти не садилась.

Вышла из рабочей комнаты, прислонилась к прилавку и закрыла глаза.

Плечи ныли.

Ноги гудели.

На пальцах остались следы мыла.

Я была голодной, уставшей и совершенно не представляла, сколько покупателей придет ко мне завтра.

Возможно, ни одного.

И вдруг захотелось домой.

В нашу спальню с широкими окнами.

В теплую ванну.

К привычному ужину, который всегда подавали в восемь.

Захотелось услышать, как Эдгар входит, снимает сюртук и спрашивает, почему я опять задержалась.

Я открыла глаза.

Передо мной стоял старый прилавок.

За окном темнело.

Никакого другого дома больше не было.

И от этого понимания меня наконец прорвало.

Я села прямо на пол за прилавком.

Закрыла лицо руками.

И заплакала.

Не красиво.

Не тихо.

Так, что временами трудно было вдохнуть.

Я плакала о муже, которого потеряла задолго до развода. О двенадцати годах, за которые привыкла думать сначала о предприятии, потом о нем и только после — о себе. Вспоминала несостоявшиеся поездки, вечера, проведенные в одиночестве. И то, как легко он предложил мне остаться в лаборатории, не оставив места рядом с собой.

Мне не хотелось быть сильной.

Не хотелось никому ничего доказывать.

Я просто хотела, чтобы человек, которого любила, не предал меня.

Но исправить это было уже невозможно.

Когда слезы закончились, я еще долго сидела на полу.

Потом поднялась, умылась холодной водой и нашла среди вещей старую чашку.

Ту самую, с трещиной.

Поставила ее на стол.

Несколько мгновений смотрела.

А потом заварила чай.

Чашка по-прежнему держала воду.

Это почему-то показалось мне важным.

Не все сломанное обязательно нужно выбрасывать.

Но и пользоваться им только потому, что когда-то оно было дорогим, тоже необязательно.

Я выпила чай и убрала чашку в шкаф.

Пока не знала, что с ней делать.

И позволила себе не знать.

Поздно вечером в дверь постучала Ида.

Я открыла.

Она держала небольшую лестницу и свернутый кусок чистой ткани.

— Вам еще понадобится, — сказала соседка вместо приветствия.

— Что?

— Лестница. И тряпка на вывеску. Вы ведь собираетесь ее менять?

— Собираюсь.

— Тогда берите.

Я приняла лестницу.

— Спасибо.

Ида взглянула на мое лицо.

Не стала спрашивать, почему глаза покраснели.

Только сказала:

— Завтра будет легче.

Я слабо улыбнулась.

— Откуда вы знаете?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Но завтра хотя бы будете заняты покупателями.

Я рассмеялась.

Совсем немного.

Ида удовлетворенно кивнула.

— Вот и хорошо. У меня, между прочим, есть знакомые, которым нужны хорошие составы от сырости. Если ваша лавка откроется, пришлю.

— Только после проверки.

— Разумеется. Еще не хватало, чтобы вас закрыли прежде, чем вы заработаете первую монету.

Она ушла.

А я осталась стоять у двери с лестницей в руках.

Потом посмотрела на старую вывеску.

«Дом Фалька. Малая алхимическая лавка».

Выцветшие буквы казались почти насмешкой.

Я принесла инструмент, сняла доску и положила на рабочий стол.

Соскоблила старую краску.

Дерево было крепким.

Немного потемневшим от времени, но без трещин.

Я зачистила поверхность, протерла ее, дождалась, пока доска высохнет, и достала краску.

Сначала написала:

«Алхимическая лавка».

Буквы получились неровными.

Пришлось стереть две и переделать.

Потом добавила ниже:

«Нора Бренн».

Отошла на шаг.

Посмотрела.

И неожиданно улыбнулась.

Имя выглядело непривычно.

Маленькое.

Без герба торгового дома.

Без громких обещаний.

Но оно было моим.

Я вспомнила сегодняшние слова Эдгара.

Покупатели знали имя Фалька.

Возможно, он был прав.

Возможно, завтра люди пройдут мимо.

Возможно, я ошибусь с ценами, испорчу первую партию или обнаружу, что не умею разговаривать с торговцами так ловко, как мой бывший муж.

Мне придется учиться.

Платить за ошибки.

Снова начинать.

Я не знала, получится ли.

Но впервые за очень долгое время мне было интересно попробовать.

Я вынесла доску к двери и закрепила ее на старом месте.

На улице уже горели фонари.

Над домами виднелась темная городская стена. Далеко за ней вспыхнули сигнальные огни восточной каланчи.

Над стеной пролетел дракон.

Я подняла голову, проследила за его широкими крыльями и подумала, что завтра в городе начнется еще один обычный рабочий день.

У стражников будут свои вызовы.

У торговцев — свои покупатели.

У пекарей — горячий хлеб.

А у меня, если повезет, появится первая собственная продажа.

Я заперла дверь и поднялась наверх.

Перед тем как лечь, раскрыла старую тетрадь.

На чистой странице написала:

«Нора Бренн. Лавка в Медном ряду».

Ниже поставила дату.

Потом подумала и добавила:

«Первое правило: не обещать того, чего не можешь выполнить».

Перо задержалось над бумагой.

Я вспомнила Эдгара.

Его уверенность.

Его красивую речь.

Его новые этикетки.

И дописала:

«Второе правило: не позволять никому ставить свое имя на моей работе».

Убрала тетрадь в ящик, погасила свет и легла.

Впереди ждал трудный день: проверка помещения, первая партия и, если повезет, первые покупатели.

Глава 2. Назовите ваше имя

Проверяющий должен был прийти к одиннадцати, а в половине девятого в моей лавке все еще пахло сажей.

Я стояла посреди торгового зала, держа в одной руке мокрую тряпку, а в другой — список необходимых работ, и наблюдала, как печник Боран вытаскивает из дымохода очередную горсть черной грязи.

— Давно здесь никто не топил? — спросил он.

— Всю весну и лето. А прошлой зимой здесь пытался работать сапожник, но печь дымила.

— Оно и видно.

Он постучал по трубе коротким молотком.

Изнутри что-то посыпалось.

Я отступила, спасая чистый подол платья.

— Вы сказали, что управитесь за час.

— Сказал.

— Прошло полтора.

— Значит, работа сложнее, чем думал.

Боран даже не повернулся.

Я посмотрела на часы.

Без двадцати девять.

На подготовку оставалось чуть больше двух часов, а у меня еще не были расставлены все флаконы, не высохла краска на двух полках и не хватало денег на половину запланированных покупок.

Вчера вечером я была уверена, что справлюсь.

Сегодня утром уверенности заметно поубавилось.

— Вы хотя бы успеете до проверки? — спросила я.

— Если перестанете спрашивать каждые пять минут.

Я прикусила язык.

Мастер, которого посоветовала Ида, оказался широкоплечим пожилым мужчиной с красным носом и удивительно крепкими руками. Он пришел ровно в семь, осмотрел трубу и объявил, что работа обойдется в четырнадцать серебряных.

Я едва не поперхнулась чаем.

После десяти минут обсуждения цена снизилась до девяти. Еще одну монету я согласилась доплатить за новую заслонку, если старая действительно окажется негодной.

Сейчас Боран извлек ее из стены.

Металлическая пластина была погнута.

— Вот, — объявил он. — Кто-то пытался закрыть тягу, а потом ударил по ручке.

— Починить можно?

— Можно. Но я бы заменил.

Он показал трещину возле крепления.

Спорить было не о чем.

— Меняйте.

Боран довольно хмыкнул и отправился к своей сумке.

Я снова посмотрела на часы.

Позавчера я получила сто двадцать серебряных.

Сегодня утром уже отдала деньги за оформление разрешения, купила тару, заплатила за замену дверного замка и заказала первую небольшую поставку сырья.

Теперь дымоход.

Деньги исчезали с такой скоростью, словно кто-то специально проделал дыру в моем кошельке.

В большой мастерской я никогда не думала, сколько стоит новая заслонка.

Точнее, думала, когда составляла расходы для лаборатории. Но там были совсем другие суммы. Я заказывала оборудование на сотни серебряных и не задумывалась, останется ли после этого достаточно денег на продукты.

Теперь задумывалась.

Даже слишком часто.

— Госпожа Бренн!

Я обернулась.

В дверях стояла Ида с бумажным свертком.

— Доброе утро, — сказала я.

— Для вас не уверена, что доброе. Боран уже половину лавки разобрал?

— Только дымоход.

— Значит, сегодня он скромен.

Печник высунул голову из рабочей комнаты.

— Все слышу, Ида!

— Отлично. Тогда не забудь убрать за собой.

Она положила сверток на прилавок.

— Булочки. Еще теплые.

Я посмотрела на сверток, потом на соседку.

— Вы меня совсем избалуете.

— Не бойтесь. Начнете зарабатывать — буду покупать у вас средства по полной цене.

— Вы и так собирались.

— Вот именно. Не хочу, чтобы моя поставщица умерла от голода раньше открытия.

Она села на край стула, который я вчера успела вымыть, и внимательно оглядела помещение.

— Полки хорошие.

— Старые.

— Старое не всегда плохое.

— Краска еще липкая.

— Не трогайте ее руками, и все будет прекрасно.

Я улыбнулась.

Ида умела разговаривать так, словно любые неприятности были обычными хозяйственными заботами, с которыми можно справиться, если вовремя поесть и найти хорошего мастера.

В последние два дня это помогало больше, чем она, вероятно, представляла.

— Проверка в одиннадцать? — уточнила она.

— Да.

— Успеете.

— Откуда вы знаете?

— Боран любит ворчать, но работу делает хорошо. А вы, судя по тому, как вчера драили пол, способны вымыть целую улицу за час.

Из рабочей комнаты донеслось возмущенное сопение.

Ида подмигнула мне.

— Только не забудьте оставить проверяющему проход к кладовой. В прошлый раз они придрались к одному торговцу, потому что тот поставил туда ящики.

Я посмотрела на коробки возле двери.

И тут же принялась их переставлять.

— Вот, — удовлетворенно сказала соседка. — Уже полезна.

Она ушла, а я наконец развернула сверток.

Булочки пахли корицей.

Я съела одну прямо у прилавка и неожиданно почувствовала себя лучше.

Не счастливой.

До счастья было далеко.

Но хотя бы способной пережить предстоящую проверку.

К половине десятого Боран закончил ремонт.

Печь растопили.

Я стояла возле открытого окна, готовая в любой момент выбежать на улицу, но дым исправно уходил вверх.

Мастер проверил соединения, заставил меня трижды открыть и закрыть заслонку, затем показал место, которое нужно будет регулярно чистить.

— Не запускайте, — сказал он, собирая инструменты.

— Не буду.

— И с горячими составами тут осторожнее. Вытяжка небольшая.

— Я планирую только малые партии.

— Тогда годится.

Он вытер руки тряпкой.

— Десять серебряных.

Я отсчитала деньги.

Боран пересчитал их и спрятал в карман.

— У вас тут раньше алхимическая мастерская была?

— Лавка с рабочей комнатой.

— А теперь снова открываете?

— Пытаюсь.

Он осмотрел полки.

— Дело хорошее. Только покупателей здесь не так уж много.

Это я уже успела заметить.

Медный ряд был оживленным, но большинство прохожих покупали еду, одежду или хозяйственные мелочи.

Алхимические составы стоили дороже обычного мыла.

И покупали их не каждый день.

— Надеюсь, найдутся, — ответила я.

Боран направился к двери.

Потом остановился.

— Если у вас появится что-нибудь от копоти на камнях, скажите. У меня жена уже два месяца ругается из-за печной стены.

Я подняла голову.

— Есть один состав. Но я давно его не готовила. Сначала нужно повторить пробы по старым записям.

— Ну так проверяйте.

Он вышел.

Я осталась возле двери и несколько секунд смотрела ему вслед.

Первый возможный покупатель.

Еще ничего не продала, а уже хотелось записать его имя.

Потом я вспомнила про часы и бросилась заканчивать подготовку.

К одиннадцати торговый зал выглядел вполне прилично.

На полках стояли ровные ряды небольших флаконов.

На каждом имелась собственноручно написанная этикетка.

Название, основные действующие вещества, назначение и способ применения. Ниже — ограничения, дата приготовления и номер партии.

Никаких обещаний чудес.

Никакого «подходит абсолютно всем».

Я даже отдельно написала, что средство от сырости не исправляет протекающую крышу.

В большой мастерской Эдгар наверняка вычеркнул бы эту строчку.

Но мне не хотелось, чтобы покупатель потратил деньги, а потом обнаружил, что его чердак продолжает заливать дождем.

Проверяющая пришла в одиннадцать десять.

Высокая сухощавая женщина с темными волосами, собранными в строгий узел. На груди висел медный знак городской ремесленной службы.

— Госпожа Бренн?

— Да.

— Тесса Рид. Проверка помещения по заявлению на торговлю малыми партиями алхимических товаров.

Я пригласила ее войти.

Она не стала рассматривать красивые флаконы.

Сначала подошла к печи.

Проверила тягу.

Потом осмотрела вытяжку, рабочий стол, место для хранения сырья и отдельный шкаф, куда я убрала чистую тару.

Заглянула в кладовую.

Попросила открыть окна.

После этого изучила журнал партий.

Я стояла рядом, стараясь не мешать.

Когда-то именно я готовила большую мастерскую к таким проверкам.

Обычно проверяющие приходили туда с сопровождающими, получали чай в гостиной и только потом проходили по рабочим помещениям.

Здесь никакой гостиной не было.

И чая я предложить не догадалась.

Госпожа Рид перевернула страницу журнала.

— Средство от сырости. Какое назначение?

— Защитная обработка сухих деревянных и каменных поверхностей. Не применяется по влажной плесени и не устраняет источник протечки.

— Почему на этикетке указано, что обработку следует повторить через четыре месяца?

— Потому что в местах с постоянным перепадом влажности защитный слой постепенно разрушается. Четыре месяца — срок, который я могу подтвердить прежними наблюдениями. Для очень влажных помещений требуется отдельная проверка.

Она подняла на меня глаза.

— Вы давно занимаетесь алхимией?

— Мастером работаю четырнадцать лет. Учиться начала раньше.

— Где работали?

Я помедлила.

— В Доме Фалька.

Она снова посмотрела в журнал.

— А теперь решили работать самостоятельно?

— Да.

— Хорошо.

Никакого удивления.

Никаких вопросов о бывшем муже.

Госпожа Рид просто продолжила проверять документы.

Это было неожиданно приятно.

Через двадцать минут она закрыла журнал.

— Помещение пригодно для малых партий указанных составов. Сложные реакции, работа с едкими парами и крупное производство здесь не разрешены.

— Я и не планировала.

— Если измените ассортимент или технологические условия, потребуется новая проверка.

— Понимаю.

Она поставила подпись.

Потом прикрепила к разрешению небольшой лист с условиями работы.

Я смотрела на печать и боялась спросить.

Наконец проверяющая сама произнесла:

— Можете открываться.

Несколько мгновений я молчала.

— Уже?

— Да. Разрешение вступает в силу сегодня.

Я почувствовала, как щеки становятся горячими.

— Спасибо.

Госпожа Рид посмотрела на меня с легким удивлением.

— За что?

Я не нашла ответа.

Она сложила свои бумаги.

— За хорошую подготовку благодарите себя. Не у всех мастеров журналы в таком порядке.

Когда дверь за ней закрылась, я прислонилась к прилавку.

У меня получилось.

Пусть пока только получить разрешение.

Пусть впереди оставались десятки проблем.

Но теперь у меня действительно была своя лавка.

Я вышла на улицу, перевернула висевшую на двери деревянную табличку и посмотрела на написанное слово.

«Открыто».

Обычное слово.

Всего семь букв.

Я стояла перед ним с такой глупой улыбкой, что проходивший мимо мальчишка остановился и спросил:

— Тетенька, вы чего?

Я рассмеялась.

— Лавку открыла.

Он посмотрел на вывеску.

— И что продаете?

— Алхимические средства.

— А чтобы домашнее задание само делалось, есть?

— Нет.

— Жаль.

Он побежал дальше.

Я проводила его взглядом.

Первый посетитель.

Не покупатель, конечно.

Но начало было положено.

Через пять минут пришла Ида.

Она вошла с таким видом, словно собиралась проверить, насколько серьезно я отношусь к делу.

— Разрешили?

Я показала документ.

Ида довольно кивнула.

— Тогда давайте ваше средство от сырости.

— Вам какой объем?

— Для небольшой комнаты. Там два шкафа и стена возле окна.

— Сначала нужно убедиться, что сама стена сухая. Иначе обработка не поможет.

— Высохла уже. Крышу починили еще весной.

Я взяла флакон.

— Тогда хватит этого. Наносить на очищенную поверхность тонким слоем. Потом дать высохнуть не меньше шести часов.

— Сколько стоит?

— Тридцать медяков.

Ида протянула руку за флаконом.

Потом остановилась.

— Сколько?

Я насторожилась.

— Тридцать. Дорого?

Она медленно поставила флакон обратно.

— Нора, а сколько стоит его приготовить?

— Если считать сырье и тару, двадцать три медяка.

— А ваше время?

— Ну...

— А дрова?

— Отдельно не считала.

— А обслуживание приборов?

Я замолчала.

Ида скрестила руки на груди.

— Понятно. Хороший мастер. Плохой торговец.

Мне стало обидно.

Совсем немного.

— Это первая партия.

— Я вижу. Именно поэтому и спрашиваю.

— Но мне нужно привлечь покупателей.

— А потом что? Умереть от усталости, потому что работаете почти бесплатно?

Я посмотрела на флакон.

Двадцать три медяка.

Да, я посчитала сырье и тару.

Но не учла топливо, расходные материалы, время на приготовление, проверку, этикетки и уборку.

В большой мастерской этим занималась счетная служба.

Я составляла технологические карты.

Разница оказалась существенной.

— Сколько бы вы поставили? — осторожно спросила я.

Ида прищурилась.

— Не знаю, сколько платят за алхимию. Но точно больше тридцати.

Я пересчитала расходы еще раз.

Получилось, что за каждый проданный флакон я действительно оставляла себе слишком мало.

— Сорок два, — сказала я наконец.

— Вот это уже разговор.

— Но для вас тридцать. Я уже назвала цену.

Ида улыбнулась.

— Хорошо. Значит, сегодня я получила скидку за полезный совет.

Она положила деньги на прилавок.

Я выдала флакон, упаковала его в бумагу и записала продажу в журнал.

Дата.

Название.

Номер партии.

Цена.

Тридцать медяков.

Первая собственная продажа.

Я смотрела на запись и не могла удержаться от улыбки.

Ида заметила.

— Ну вот. Теперь вы настоящая торговка.

— Алхимик, — поправила я.

— И торговка. Придется привыкать.

Она ушла.

Я тут же исправила цены на остальных флаконах.

Потом села за прилавок и стала ждать.

Следующий покупатель появился только через час.

Пожилой мужчина попросил что-нибудь, чтобы вывести плесень со стены.

Я подробно объяснила, что моя пропитка не уничтожает уже разросшуюся плесень. Сначала придется убрать поврежденную отделку, устранить сырость и высушить поверхность.

Он выслушал, покачал головой и ушел.

Ничего не купил.

Я проводила его взглядом.

В большой мастерской такие посетители никогда не попадали ко мне.

С ними разговаривали приказчики.

Теперь каждое «нет» ощущалось почти личным поражением.

Может быть, стоило предложить хотя бы очищающий состав?

Нет.

Он не решил бы проблему.

Я посмотрела на собственную тетрадь.

«Не обещать того, чего не можешь выполнить».

Первое правило.

Если нарушить его в первый же день, зачем вообще было писать?

Через некоторое время пришла девушка в сером рабочем платье.

Она принесла небольшой кусок ткани, испачканный копотью.

— У вас есть что-нибудь для такого? — спросила она.

Я осмотрела материал.

Плотный лен.

Старое пятно от обычной печной сажи.

Никаких сложных чар.

— Есть очищающий состав. Но сначала попробую на краю ткани. Можно?

Девушка кивнула.

Я нанесла каплю средства на незаметный участок, выждала положенное время и промыла водой.

Ткань не изменила цвет.

Пятно заметно посветлело.

— Сколько? — спросила покупательница.

Я назвала цену.

Она немного помедлила, потом достала кошелек.

— Возьму маленький флакон.

Я упаковала покупку и подробно объяснила, что не нужно смешивать состав с обычной щелочной стиркой.

Девушка поблагодарила и ушла.

Вторая продажа.

Я записала ее в журнал.

И почувствовала удивительное удовольствие.

Эти деньги были совсем небольшими.

Их не хватило бы даже на новый рабочий фартук из хорошей ткани.

Но покупательница пришла ко мне.

Не в Дом Фалька.

Не к знаменитому владельцу алхимического предприятия.

Ко мне.

Она выслушала мои объяснения, заплатила и ушла с товаром, на котором стояло мое имя.

Я несколько раз перечитала запись.

Потом заставила себя заняться делом.

До вечера удалось продать еще два небольших флакона.

Один — со средством от сырости, другой — с очищающим составом.

Средство для драконьей чешуи никто даже не спросил.

Когда я закрыла дверь, дневная выручка показалась мне одновременно смешной и прекрасной.

Я разложила монеты на столе.

Посчитала.

Потом пересчитала еще раз.

И поняла, что уже начинаю делать привычную ошибку.

Смотреть только на деньги, которые получила.

Завтра придется покупать сырье для новых партий.

А послезавтра платить за доставку стеклянной тары.

В большой мастерской мы говорили об обороте, прибыли и расходах совершенно спокойно.

Теперь я видела каждую монету.

И наконец поняла, почему торговцы так любят спорить из-за мелочей.

Я достала чистую тетрадь и разделила страницу на столбцы.

Продажи.

Сырье.

Тара.

Топливо.

Прочие расходы.

Оплата работы.

Последний столбец заставил меня задуматься.

Сколько стоит мой собственный труд?

Раньше этот вопрос решался легко.

Эдгар выдавал мне деньги на хозяйство, покупал одежду и иногда делал подарки.

Я не получала отдельного жалованья.

Мы ведь были семьей.

Зачем супругам считать деньги друг друга?

Теперь такой ответ казался странным.

Я работала по десять, иногда по двенадцать часов в день.

Придумывала составы.

Проводила испытания.

Исправляла ошибки.

И почти никогда не думала, сколько должна получать за это.

Я поставила перо на бумагу.

Потом написала сумму.

Посмотрела.

Зачеркнула.

Написала другую.

Пока небольшую.

Но настоящую.

После этого закрыла тетрадь и отправилась ужинать.

На следующий день покупателей оказалось больше.

Ида выполнила обещание.

Ко мне пришли две женщины из соседних мастерских, молодой сапожник и владелец маленького склада.

Каждому требовалось что-то свое.

Одна покупательница хотела средство для шерсти.

Другая — для защиты деревянного сундука от сырости.

Сапожник спрашивал, можно ли обработать моим составом дорогую кожу.

Я честно ответила, что испытаний на такой коже не проводила.

— Но ведь алхимия? — удивился он.

— Алхимия. Только материалы разные.

— А если попробовать?

— На вашем новом заказе?

Он подумал.

— Нет, лучше не надо.

Мы договорились, что он принесет ненужный обрезок кожи, а я проведу пробу, когда появится время.

Складскому владельцу требовалось гораздо больше товара, чем я могла приготовить.

Он хотел обработать целое помещение.

Сумма заказа выглядела заманчиво.

На мгновение я представила, сколько денег получу.

Потом вспомнила размеры своей печи.

— Я не смогу выполнить такой объем за три дня, — сказала я.

Мужчина нахмурился.

— А за сколько?

Я прикинула время на приготовление, охлаждение, проверку и упаковку.

— За десять. И сначала нужно осмотреть помещение.

— Долго.

— Возможно. Но быстрее без проверки я делать не буду.

Он ушел недовольным.

Я долго смотрела на дверь.

Раньше Эдгар обязательно попытался бы удержать такого покупателя.

Пообещал бы скидку.

Сократил сроки.

Потребовал бы работать ночами.

И я, скорее всего, согласилась бы.

Теперь мне было не у кого просить дополнительные руки.

И некого обвинить, если состав окажется некачественным.

Только себя.

Я открыла журнал и записала отказ.

Потом вздохнула.

Деньги мне действительно были нужны.

Но испортить собственную репутацию в первую неделю торговли было бы гораздо хуже.

К вечеру я устала так, что едва поднялась наверх.

Ноги болели.

Спина ныла.

На пальцах появились маленькие трещинки от частого мытья рук.

Зато на столе лежали аккуратно сложенные деньги.

Я села и долго их пересчитывала.

Не потому, что боялась ошибиться.

Просто мне нравилось видеть результат.

Я заработала их сама.

Без Эдгара.

Без его фамилии.

Без большой мастерской.

На третий день пришло письмо.

Почерк мужа я узнала сразу.

Крупные уверенные буквы.

Раньше он иногда оставлял мне короткие записки возле чайника.

«Вернусь поздно».

«Не забудь поесть».

«Спасибо за вчерашний вечер».

Последние два года записки почти исчезли.

Теперь он написал целую страницу.

Я развернула лист.

Эдгар сообщал, что получил несколько важных заказов и надеется выполнить их к концу месяца. Упоминал, что один из молодых мастеров не справляется с проверкой сырья.

Потом следовало предложение.

Он готов был платить мне за консультации.

«Это поможет тебе в первое время, пока ты разбираешься со своей маленькой лавкой».

Я перечитала строчку.

Со своей маленькой лавкой.

Словно это было временное увлечение.

Словно я решила поиграть в торговлю, а потом непременно вернусь туда, где меня ждет настоящий хозяин.

Ни одного слова о разводе.

Ни одного вопроса, как я устроилась.

Даже обычного «надеюсь, ты здорова».

Только работа.

Я сложила письмо и убрала в ящик.

Отвечать сразу не стала.

Весь день меня то и дело тянуло открыть его снова.

Я ловила себя на желании написать длинное объяснение.

Рассказать, как устала.

Как трудно мне было получить разрешение.

Как я впервые продавала собственные составы.

Как мне не хватает привычного дома.

И как сильно меня ранит его уверенность, что без него я не справлюсь.

Но для чего?

Чтобы он пожалел?

Чтобы наконец понял?

Чтобы сказал, что ошибся?

Вечером я достала чистый лист.

Написала всего две строки.

«Эдгар, благодарю за предложение. В настоящее время консультации для Дома Фалька не планирую. Нора Бренн».

Запечатала конверт.

И впервые за несколько дней легла спать до полуночи.

Утро следующего дня началось с неприятности.

Один из флаконов очищающего состава помутнел.

Я обнаружила это, когда расставляла товар на полке.

Состав не должен был менять прозрачность при обычном хранении.

Я сняла всю небольшую партию с продажи.

Проверила записи.

Сырье было хорошим.

Порядок приготовления не нарушался.

На стенках пустого флакона из той же поставки я заметила тонкую пленку. Проверила смыв с нее: при добавлении одного из очищающих компонентов появилась та же муть. Новую стеклянную тару, похоже, обработали защитным раствором, о котором поставщик ничего не сообщил.

В других составах видимых изменений не было, но считать такую тару безопасной без проверки я уже не могла.

Я расстроилась.

Помутневший состав я отставила для безопасного уничтожения. Пришлось промывать всю новую партию флаконов, проверять смывы и отправлять поставщику письменное замечание.

День оказался почти потерян.

К счастью, помутнение появилось в нераспроданной партии. Ранее проданные флаконы были из другой поставки стекла.

После обеда я сидела за прилавком, пытаясь составить новые условия закупки тары, когда дверь открылась.

Вошел мужчина.

Высокий.

Широкоплечий.

В темной форменной куртке с медными застежками.

На левом плече виднелся знак городской пожарной стражи — стилизованное крыло над башней.

Он снял перчатки.

Я невольно заметила его руки.

Крупные, с короткими аккуратными ногтями и светлыми следами старых ожогов на костяшках.

Мужчина оглядел торговый зал.

Не торопясь.

Не с любопытством случайного прохожего.

Так, словно проверял, где находится и к кому пришел.

Потом посмотрел на вывеску, видневшуюся через стекло двери.

— Госпожа Бренн?

— Да.

— Вы алхимик?

— Да. Чем могу помочь?

Он подошел к прилавку.

Теперь я рассмотрела его лицо.

Темные волосы, коротко подстриженные на висках. Сильная челюсть. Небольшой старый шрам возле правого виска.

Глаза серые.

Очень внимательные.

Мужчине было немного за сорок.

Он не выглядел ни придворным красавцем, ни богатым бездельником, который решил развлечься необычной покупкой.

Скорее человеком, привыкшим проводить много времени на ногах, мало спать и не жаловаться.

— Меня зовут Рейнард Керн, — сказал он. — Командир пожарной стражи Вейра.

Я выпрямилась.

— Слушаю вас, господин Керн.

Он положил на прилавок плотный кожаный сверток.

Развязал ремешок.

Внутри лежали рабочие перчатки.

Хорошие.

Из толстой кожи, с укрепленными ладонями.

Но одна была испорчена.

Защитное покрытие на пальцах вздулось темными пузырями.

На сгибе большого пальца слой почти полностью отошел.

Я узнала состав раньше, чем увидела клеймо.

Смоляная пропитка.

Моя старая разработка.

— Где это произошло? — спросила я.

— На красильне у Южного канала. Загорелось помещение с нагревательными котлами. При тушении лопнул паропровод.

Я осторожно взяла поврежденную перчатку.

— Кто-то пострадал?

— Один стражник получил ожог предплечья. Не тяжелый, лекарь уже осмотрел. Сейчас отдыхает.

Я почувствовала, как неприятно сжался желудок.

— Ожог из-за перчаток?

— Пока не знаю. Для этого и пришел.

Он достал из свертка небольшой флакон.

На этикетке золотыми буквами было написано:

«Дом Фалька. Надежная защита от любого пламени».

Я медленно положила перчатку на прилавок.

И посмотрела на этикетку.

То самое слово.

Которое я перечеркнула.

Которое просила убрать.

Оно снова было здесь.

— Когда вы купили эту партию? — спросила я.

— Три недели назад.

— А инструкция?

Рейнард вынул сложенный лист.

Я развернула его.

Прочитала.

Потом еще раз.

На третьей строке обнаружилось то, чего я боялась.

Производитель рекомендовал повторное нанесение пропитки без полной очистки старого слоя.

Ниже обещалась защита при длительном воздействии высокой температуры.

О влажном паре не говорилось ничего.

Я медленно выдохнула.

— Это неправильная инструкция.

Рейнард не изменился в лице.

— Объясните.

Я подняла перчатку.

— Видите эти пузырьки?

Он наклонился ближе.

От него едва заметно пахло дымом, чистой тканью и холодным воздухом улицы.

— Вижу.

— Такое повреждение может появляться, если между слоями остается влага. При нагреве она расширяется и нарушает сцепление покрытия с кожей.

— Может?

Я подняла на него глаза.

— Да. Пока это предположение. Чтобы установить причину, нужно проверить образцы.

Он кивнул.

Мне понравилось, что он не потребовал немедленного ответа.

— Скажите, для чего предназначалась первоначальная пропитка? — спросил Рейнард.

— Для кратковременного воздействия сухого жара. Прежде всего для печников и рабочих возле открытых горячих поверхностей. Она снижает повреждение материала, но не делает человека неуязвимым.

— А для тушения пожаров?

— Я не проводила таких испытаний.

Он посмотрел на перчатку.

— На этикетке указано другое.

— Знаю.

— Вы знакомы с этим составом?

Я помедлила.

Вот оно.

То, к чему я не была готова.

Первая серьезная проблема в моей новой лавке.

И возникла она из-за старой работы.

— Знакома, — сказала я. — Я его разработала.

Рейнард медленно поднял голову.

— Вы?

— Девять лет назад. Для Дома Фалька.

Он достал из внутреннего кармана сложенную бумагу.

— Тогда я пришел по правильному адресу.

На листе оказался старый акт испытаний.

Мой почерк.

Мои расчеты.

Моя подпись.

«Нора Фальк».

Я не сразу поняла, откуда у него копия.

— Где вы это нашли?

— В архиве городской ремесленной палаты. Я запросил сведения о составе после происшествия.

Он показал нижнюю часть листа.

— Здесь указано, что именно вы проводили разработку и испытания. Когда я обратился в мастерскую, мне сказали, что госпожа Фальк больше там не работает.

Я сжала пальцы.

— Это правда.

— В реестре я нашел новую лавку на имя Норы Бренн. Решил проверить.

— Вы могли спросить моего бывшего мужа.

— Я спрашивал.

Мне стало не по себе.

— И что он ответил?

— Что средство надежное, что все испытания пройдены и что при правильном использовании повреждений быть не должно.

Я горько усмехнулась.

Знакомые слова.

Эдгар всегда любил говорить «при правильном использовании».

Особенно если не мог объяснить, что именно следует считать правильным.

— Он упоминал меня? — спросила я.

Рейнард посмотрел на меня внимательнее.

— Нет.

Я отвела взгляд.

Не знаю, зачем спрашивала.

Ответ был очевиден.

Но все равно оказался неприятным.

Рейнард не торопил меня.

Он просто стоял возле прилавка, положив широкую ладонь рядом с испорченной перчаткой.

Я снова взяла инструкцию.

— Здесь ошибка, — сказала я. — И довольно серьезная.

— Какая?

— Состав действительно выдерживает кратковременный сухой жар. Но повторное нанесение без очистки может ухудшить его свойства. А при воздействии горячего пара...

Я замолчала.

Вспомнила свои последние испытания.

Три испорченные пары перчаток.

Журнал.

Исправленную инструкцию.

И Эдгара, который говорил, что покупателям не нужны подробности.

— Что? — спросил Рейнард.

Я посмотрела на него.

— За день до моего ухода из мастерской я проверяла именно такую ситуацию. При воздействии пара покрытие отслаивалось.

Он нахмурился.

— Эти результаты где-то записаны?

— В рабочем журнале Дома Фалька. Я передала замечания вместе с исправленной инструкцией.

— Когда?

Я назвала дату.

Рейнард достал маленькую записную книжку.

Записал.

Не торопясь, разборчиво.

Потом уточнил:

— Какой номер партии вы проверяли?

Я задумалась.

Вспомнила последние цифры.

Но полной уверенности не было.

— Номер нужно сверить с журналом. Я не хочу ошибиться.

— Хорошо.

Он перевернул страницу.

— Можете подробно описать, что происходило с покрытием?

Я взяла чистый лист.

Нарисовала схему.

Первый слой.

Второй слой.

Небольшое пространство, в котором при неблагоприятных условиях могла задерживаться влага.

Рейнард слушал внимательно.

Один раз остановил меня и попросил объяснить, почему сухой жар и горячий пар действуют на материал по-разному.

Я объяснила.

Потом еще раз, проще.

Он кивнул.

— Теперь понятно.

Я неожиданно почувствовала легкое удивление.

В большой мастерской я привыкла, что объяснения технологий интересуют покупателей только до тех пор, пока они не начинают звучать слишком сложно.

Эдгар часто перебивал меня на встречах.

— Нора, не мучай людей подробностями.

И сам переходил к рассказам о надежности и преимуществах.

Рейнард не перебивал.

Он хотел разобраться.

— Но есть важная вещь, — сказала я. — Мы пока не можем утверждать, что именно пар стал причиной повреждения.

— Почему?

— Я не знаю, как хранились перчатки, сколько слоев пропитки на них нанесли и какой температуры был пар. Кроме того, необходимо проверить, не изменился ли состав с момента моей первоначальной разработки.

Рейнард провел пальцем по краю испорченной перчатки.

— То есть производитель мог что-то поменять?

— Мог. Но я этого не утверждаю.

— Понимаю.

Он убрал руку.

— Скажите, госпожа Бренн, вы можете провести независимую проверку?

Я посмотрела на него.

Потом на свою маленькую рабочую комнату.

Печь.

Старые весы.

Несколько стеклянных сосудов.

Тесный стол.

Для сложных испытаний этого было недостаточно.

— Не здесь, — ответила я.

Рейнард бросил взгляд на дверь в рабочую комнату.

— Почему?

— У меня разрешение только на малые партии и простые реакции. Для проверки защитной пропитки при высокой температуре нужен специальный стенд. Желательно с контролируемой подачей пара.

Он задумался.

— У нас есть учебный двор.

— У пожарной стражи?

— Да. Там испытывают защитное снаряжение. Есть нагревательные щиты, паровая установка и измерители температуры.

Я подняла голову.

— А возможность испытывать образцы без человека?

Он нахмурился.

— Разумеется. Никто не заставит стражника испытывать непроверенную пропитку на себе.

Я невольно улыбнулась.

— Хорошо.

— Значит, вы согласны?

Я замялась.

Сколько стоит такая работа?

В большой мастерской я никогда не назначала цену собственным испытаниям.

Этим занимался Эдгар.

Или счетная служба.

Рейнард заметил мое колебание.

— Есть проблема?

— Мне нужно оценить объем работы.

— Естественно.

Он достал еще один лист.

— Я не прошу вас делать это бесплатно. Нам требуется заключение. Если понадобится, оформим отдельный договор.

Я посмотрела на него с неожиданной благодарностью.

Он говорил так просто.

Без одолжения.

Без обещаний когда-нибудь заплатить.

Словно мой труд действительно имел цену.

— Тогда мне понадобятся два одинаковых комплекта образцов, — сказала я. — Один с поврежденной пропиткой, второй без нее. И несколько флаконов из той же партии.

— Сколько?

Я прикинула.

— Не меньше четырех. Но сначала нужно узнать объем и назначение испытаний.

Он записал.

— Хорошо.

— И полная инструкция производителя.

— Она у вас.

— Мне нужна будет копия. Оригинал лучше сохранить вместе с вещами пострадавшего.

Рейнард посмотрел на меня с явным одобрением.

— Именно так я и собирался поступить.

Я почувствовала себя немного неловко.

— Простите. Привычка.

— Полезная привычка.

Он сложил бумаги.

— Госпожа Бренн, могу я задать еще один вопрос?

— Конечно.

— Почему вы больше не работаете в Доме Фалька?

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Вопрос был простой.

Но отвечать на него совсем не хотелось.

— Мы с владельцем развелись.

Рейнард ничего не сказал.

Я поспешно добавила:

— Это не связано с качеством прежних составов. Предприятие по-прежнему имеет право выпускать переданные ему формулы.

— Я спрашивал не об этом.

Я подняла глаза.

— А о чем?

— Мне важно понимать, можете ли вы дать независимое заключение по товару бывшего мужа.

Он сделал короткую паузу.

— Если между вами идет имущественный спор, лучше знать заранее.

Я выдохнула.

Практичный вопрос.

Разумный.

И все же мне стало неприятно от мысли, что он может решить, будто я хочу навредить Эдгару.

— Раздел имущества завершен, — сказала я. — Старые коммерческие формулы остались у Дома Фалька. Я не собираюсь оспаривать их принадлежность.

— А качество?

— Качество проверяется испытаниями. Независимо от того, кто владеет рецептом.

Рейнард медленно кивнул.

— Это я и хотел услышать.

Он не стал спрашивать, кто кому изменил.

Не поинтересовался, почему муж оставил меня.

Не пытался утешать.

И я была ему за это благодарна.

После нескольких дней чужого сочувствия, осторожных взглядов и собственной растерянности мне хотелось хотя бы полчаса побыть просто алхимиком.

Человеком, который умеет делать свою работу.

— Вы уже сняли партию с использования? — спросила я.

— Да. Все флаконы этой поставки отложены до проверки.

— Хорошо.

— Мы не можем позволить себе повторить происшествие.

Я посмотрела на испорченную перчатку.

— Как зовут пострадавшего?

— Брам Орт.

— Сильно обжегся?

— Левая рука. В основном предплечье. Перчатка начала разрушаться, и горячая влага попала под край рукава. Лекарь сказал, что восстановится, если не будет торопиться возвращаться к работе.

Рейнард произнес последние слова с заметным недовольством.

Я подняла брови.

— Он торопится?

— Уже трижды спрашивал, когда сможет выйти на дежурство.

— Значит, любит свою работу.

— Или упрям как осел.

Я не удержалась от улыбки.

— Вы говорите о нем так, словно хорошо его знаете.

— Девять лет служим вместе.

Он замолчал.

Затем добавил:

— У него дома жена и двое детей. Я не собираюсь сообщать им, что он потерял руку из-за красивой надписи на флаконе.

Улыбка исчезла с моего лица.

Я снова посмотрела на этикетку.

«Надежная защита от любого пламени».

Эдгару нравились громкие обещания.

Мне — точные цифры.

Раньше это казалось обычным различием характеров.

Теперь я видела перед собой последствия.

— Господин Керн, — сказала я, — вы правильно сделали, что прекратили использовать партию.

— Надеюсь.

— Но даже если мы найдем причину, прежняя пропитка не станет подходящей для всех ваших задач.

— Я это понимаю.

Он посмотрел на полку, где стояли мои небольшие флаконы.

— У вас есть собственные защитные составы?
— Пока только бытовые.
— Ничего для стражи?
— Нет.
Он снова перевел взгляд на меня.
— А вы могли бы разработать?
Вопрос застал меня врасплох.
Разработать.
Не исправить старый состав.
Не переписать инструкцию.
Создать новый.
Я вспомнила неудачные опыты, которые проводила еще до ухода из мастерской.
Другую основу.
Минеральную пленку, которая должна была лучше переносить влажный нагрев.
Пока она трескалась.
И работать с ней было гораздо сложнее, чем со смоляной пропиткой.
— Возможно, — осторожно ответила я. — Но обещать ничего не стану.
Рейнард усмехнулся.
Улыбка оказалась неожиданной.
Совсем небольшой.
Но она изменила его суровое лицо.
— После сегодняшнего разговора я был бы удивлен, если бы вы пообещали.
Я тоже улыбнулась.
— Значит, уже начинаете меня понимать.
— Пока только пытаюсь.
Он сказал это совершенно серьезно.
И почему-то от этих слов мне стало тепло.
Я отвернулась, чтобы взять чистый лист.
— Запишу, какие образцы понадобятся.
— Записывайте.
Пока я составляла перечень, Рейнард обошел торговый зал.
Остановился возле полки с очищающими составами.
Взял один флакон.
Прочитал этикетку.
Потом поставил обратно.
— Все делаете сами?
— Пока да.
— И продаете тоже?
— Как видите.
Он посмотрел на пустой прилавок.
— Давно открылись?
— Несколько дней назад.
— Покупатели идут?
Я помедлила.
— Понемногу.
— А раньше торговлей занимались?
— Нет.
Он кивнул.
Ни насмешки.

Ни замечания, что без опыта мне будет трудно.

Я неожиданно сама заговорила:

— Вчера три раза ошиблась с подсчетами. Сегодня пришлось предъявить поставщику претензию из-за тары. А в день открытия выяснилось, что я не учла расход топлива в цене одного состава.

Рейнард посмотрел на меня.

— Исправили?

— Исправила.

— Значит, дело движется.

Я рассмеялась.

— Вы всегда такой спокойный?

Он слегка приподнял бровь.

— Мои подчиненные с вами не согласились бы.

— Правда?

— Спросите Брама, когда выздоровеет.

На этот раз я рассмеялась громче.

И неожиданно заметила, что впервые за несколько дней мне хочется продолжать разговор просто так.

Не ради заказа.

Не ради объяснения технологии.

Просто разговаривать.

Рейнард снова подошел к прилавку.

— Когда вам удобно приехать на учебный двор?

Я заставила себя вернуться к делу.

— Послезавтра. Если успею подготовить расчеты.

— Утром?

— После десяти. До этого мне нужно открыть лавку и подготовить товар.

— Хорошо.

Он достал небольшую карточку.

На ней были указаны адрес восточной каланчи, его имя и часы приема служебных обращений.

Я взяла карточку.

— Приходите к боковым воротам, — добавил он. — Скажите дежурному, что у вас назначены испытания.

— Мне понадобится пропуск?

— Я предупрежу.

Он помедлил.

— И еще. Подготовьте расчет стоимости вашей работы. Испытания отдельно, заключение отдельно, если вам так удобнее.

Я сжала карточку между пальцами.

— Хорошо.

— Не забудьте включить время, которое потратите на подготовку.

Я подняла на него глаза.

Вспомнила Иду.

Вспомнила собственную тетрадь с расходами.

— Постараюсь, — сказала я.

Рейнард посмотрел на меня так, словно хотел что-то добавить.

Но передумал.

— Тогда до встречи, госпожа Бренн.

Он протянул руку.

Я пожала ее.

Ладонь оказалась теплой, сильной, с немного огрубевшей кожей.

Пожатие было коротким.

Обычным.

И все же я почему-то запомнила его.

Рейнард убрал документы в сверток, оставив мне согласованные копии и необходимые сведения.

Потом направился к двери.

На пороге остановился.

— Госпожа Бренн.

— Да?

Он посмотрел на вывеску.

— У вас здесь недавно появилось это имя?

Я растерялась.

— Совсем недавно.

— Хорошее имя.

Я не сразу нашла, что ответить.

— Спасибо.

Рейнард кивнул и вышел.

Я осталась возле прилавка.

За окном он остановился, чтобы пропустить проезжавший экипаж, потом пошел в сторону городской стены.

Высокий мужчина в темной форменной куртке.

На его плече поблескивал медный знак стражи.

Когда он скрылся за углом, я опустила взгляд на оставленные бумаги.

Копия старого акта, инструкция производителя, мои записи о повреждении пропитки. И карточка с адресом испытательного двора.

Мне предстояло немало работы.

Я аккуратно сложила документы и убрала их в отдельную папку.

Потом достала рабочий журнал.

На чистой странице написала:

«Проверка защитной пропитки Дома Фалька. Основание: обращение пожарной стражи».

Ниже перечислила необходимые испытания.

Сухой жар.

Повторное нанесение.

Влажный нагрев.

Проверка сцепления покрытия с материалом.

Состояние образцов до и после воздействия.

Я записывала все, что приходило в голову.

Потом остановилась.

Перечитала список.

И вдруг вспомнила, как Эдгар говорил, что покупателям не нужны подробности.

Я посмотрела на схему поврежденного покрытия в своих записях.

Нет.

Некоторым покупателям подробности были нужны.

Особенно тем, кто рисковал жизнью.

К вечеру я закончила предварительный план.

Оставалось рассчитать стоимость работы.

Вот тут началось самое трудное.

Я трижды переписывала цифры.

Сначала получалось слишком мало.

Потом слишком много.

Мне казалось наглостью просить деньги за проверку состава, который когда-то разработала сама.

Будто я обязана бесплатно исправлять все, что случилось с ним после моего ухода.

Но это было неправильно.

Я отвечала за собственные действия и работу.

Не за то, что Эдгар решил написать на этикетках.

Не за его торговые обещания.

И не за все товары, которые когда-либо выпускал Дом Фалька.

Я посчитала стоимость материалов, время подготовки, дорогу, работу на испытательном дворе и составление заключения.

Получившуюся сумму оставила без изменений.

Пусть Рейнард решает, подходит ли она страже.

Я не собиралась заранее уменьшать цену только потому, что боялась отказа.

Когда закрывала лавку, пришла Ида.

Она сразу заметила папку на прилавке.

— Новый заказ?

— Пока только испытания.

— Большой?

— Для пожарной стражи.

Ида удивленно присвистнула.

— Ничего себе. У нас тут впервые за много лет приличный алхимик появился, а его уже стража нашла.

Я улыбнулась.

— Не торопитесь радоваться. Нужно проверить поврежденную защитную пропитку.

— Чужую?

Я помедлила.

— Старую разработку Дома Фалька.

Ида внимательно посмотрела на меня.

— Бывший муж?

Я кивнула.

— Надо же, — пробормотала она.

Потом поставила на прилавок принесенную корзину.

— А я как раз хотела сказать, что ваше средство от сырости мне понравилось.

Я удивилась.

— Уже проверили?

— Обработала шкаф. Высохло ровно, запаха почти нет.

— Очень хорошо. Но окончательный результат будет заметен позже.

— Знаю. Вы это написали на этикетке.

Ида улыбнулась.

— В воскресенье придет сестра. У нее на кухне стены вечно отсыревают. Я сказала, чтобы сначала крышу проверила, а потом уже к вам шла.

Я рассмеялась.

— Отличный совет.

— Я стараюсь.

Она вдруг посерьезнела.

— Нора, можно кое-что сказать?

Я насторожилась.

— Конечно.

— Не позволяйте старому делу испортить вам новое.

Я посмотрела на папку.

— Я собираюсь просто провести испытания.

— Вот и хорошо.

Ида взяла корзину.

— И поужинайте нормально. У вас такой вид, словно вы собираетесь съесть собственные расчеты.

После ее ухода я долго стояла у прилавка.

Слова соседки не выходили из головы.

Не позволяйте старому делу испортить новое.

Я понимала, что она права.

Но мне было трудно отделить профессиональный интерес от боли.

Эдгар выпускал мои составы.

Получал деньги.

Подписывал договоры.

И продолжал обещать покупателям то, чего эти составы не могли.

Когда-то я терпеливо объясняла ему ограничения.

Потом спорила.

Потом снова объясняла.

А он все равно поступал по-своему.

Теперь пострадал человек.

Пусть не тяжело.

Пусть пока неизвестно, что именно случилось с покрытием.

Но я не могла просто закрыть на это глаза.

Я достала из ящика старую учебную тетрадь.

Перелистала несколько страниц.

Нашла записи о минеральных покрытиях.

Опыты я начала еще несколько лет назад.

Хотела создать тонкий защитный слой, который не размягчался бы при влажном нагреве.

Первые результаты были плохими.

Покрытие получалось слишком жестким.

При сгибании материала появлялись трещины.

Потом не хватило времени.

Эдгар потребовал заняться большой партией очищающих составов, затем пришел заказ для северных мастерских, потом началась подготовка к торговой выставке.

Я убрала записи в дальний ящик.

И почти забыла о них.

Теперь снова посмотрела на старые схемы.

Для человека, который никогда не работал с алхимией, они выглядели бы набором странных линий и цифр.

Для меня каждая пометка имела смысл.

Здесь я ошиблась с соотношением компонентов.

Здесь слишком быстро нагрела основу.

А здесь не учла, как ведет себя покрытие при сгибании.

Я перевернула страницу.

Нашла еще один опыт.

Неудачный.

Но причина неудачи была другой.

Я задумалась.

Возможно, стоило попробовать изменить не состав, а порядок подготовки материала.

Потом покачала головой.

Нет.

Сначала нужно закончить проверку поврежденной пропитки.

Не следовало бросаться к новой разработке только потому, что она казалась интереснее.

Я закрыла тетрадь.

Убрала ее рядом с рабочим журналом и поднялась наверх.

В маленькой спальне было прохладно.

Я зажгла лампу, переоделась и подошла к окну.

За городской стеной медленно темнело небо.

На восточной каланче горели сигнальные огни.

Где-то там работал Рейнард Керн.

Наверное, проверял снаряжение.

Или составлял очередной отчет.

Или слушал жалобы своего упрямого стражника, который хотел вернуться на службу раньше времени.

Я невольно улыбнулась.

Странный мужчина.

Не пытался понравиться.

Не говорил комплиментов моей внешности.

Не обещал помочь решить все проблемы.

Просто пришел с вопросами, внимательно выслушал ответы и предложил оплатить работу.

В последние дни я так часто слышала, что без Эдгара ничего не сумею, что обычное профессиональное уважение показалось чем-то невероятным.

Но, наверное, именно так и должно было быть.

Может быть, я просто слишком долго жила иначе.

Я опустила взгляд на собственные руки.

На следы ожогов.

На пальцы, которыми столько лет смешивала составы для чужого предприятия.

Теперь мне предстояло подписать заключение своим именем.

Не спрятанным внизу страницы.

Не среди десятков служебных отметок.

Своим.

Я вернулась к столу и взяла чистый лист.

Начала оформлять план исследования.

Написала название состава.

Номер предоставленной партии.

Сведения о повреждении.

Перечень вопросов, которые необходимо проверить.

Потом дошла до строки:

«Ответственный специалист».

И остановилась.

Раньше здесь всегда указывали Дом Фалька.

Иногда имя Эдгара.

Редко — мое.

Я взяла перо.

И вывела:

«Алхимик Нора Бренн».

Посмотрела на написанное.

Потом добавила:

«Самостоятельная мастерская, Медный ряд».

Чернила медленно высыхали.

Впервые за много лет мне не понадобилось ничье разрешение, чтобы поставить свою подпись.

Оставалось выяснить, сумею ли я сделать нечто большее.

Не просто объяснить, почему чужая защита подвела.

А однажды создать такую, которой действительно смогут доверять люди.

Я еще не знала, получится ли у меня.

Но теперь хотя бы знала, с чего начать.

С честных испытаний.

И с имени, которое больше никому не отдам.

Глава 3. Честная неудача

В день испытаний я проснулась за час до рассвета и первым делом проверила, не потрескалось ли за ночь покрытие на опытном образце.

Разумеется, он лежал там, где я его оставила.

На столе, завернутый в чистую ткань.

Небольшой кожаный лоскут с сероватым защитным покрытием.

Я сама приготовила этот состав накануне вечером, потратив почти все свободное время. В отличие от старой смоляной пропитки, здесь я использовала минеральную основу и другое связующее вещество.

Теоретически покрытие должно было лучше переносить влажный нагрев.

Практически я пока не знала, на что оно способно.

И именно это собиралась выяснить.

Я осторожно развернула ткань, осмотрела поверхность и провела пальцем по краю образца.

Слой держался крепко.

Никаких видимых трещин.

Никакого отслаивания.

Вчера я проверила его на слабом нагреве. Результат оказался обнадеживающим, хотя одного такого опыта было совершенно недостаточно.

Я хотела порадоваться.

Но после двенадцати лет работы хорошо знала, что красивый образец еще не означает хорошую разработку.

Особенно если ему предстоит встретиться с настоящим огнем.

— Ну что, — пробормотала я, осторожно заворачивая лоскут обратно. — Посмотрим, на что ты годишься.

Я убрала образец в ящик с остальными материалами, закрыла крышку и отправилась умываться.

Пока нагревалась вода, проверила приготовленные документы.

Список испытаний.

Описание старой пропитки.

Копии первоначальных результатов.

Предварительные расчеты.

Отдельный лист с перечнем образцов, которые предоставила пожарная стража.

Все было на месте.

Я даже подготовила счет за свою работу.

Правда, вчера вечером трижды доставала его из папки, чтобы еще раз проверить сумму.

В большой мастерской за такие испытания покупатели платили немало. Использование учебного стенда, подготовка образцов, работа специалиста, составление заключения — все требовало времени и денег.

Но теперь счет был выписан не от имени Дома Фалька.

А от моего.

Я долго смотрела на него, прежде чем наконец поставила подпись.

Нора Бренн.

Странно, как непросто иногда сделать самую обычную вещь.

После завтрака я открыла лавку и расставила товар на полках. Перед уходом собиралась повесить на дверь записку о временном закрытии, а Ида обещала объяснить постоянным покупателям, когда я вернусь.

Она появилась, когда я уже собиралась уходить.
— Готовы? — спросила соседка, заглядывая в открытый ящик.
— Кажется.
— Что значит «кажется»?
— Все необходимое взяла. Но не уверена, что испытания пройдут удачно.
Ида посмотрела на меня с удивлением.
— А вы должны заранее знать результат?
— Нет.
— Тогда в чем проблема?
Я замолчала.
Она положила на прилавок маленький бумажный сверток.
— Возьмите.
— Что это?
— Пирог с яблоками. Поедите, когда проголодаетесь.
Я улыбнулась.
— Спасибо.
— И не смотрите так, будто собираетесь на казнь.
— У меня важная работа.
— Вот и занимайтесь ею. У вас это хорошо получается.
Ида помогла мне поднять ящик.
Он оказался тяжелее, чем я ожидала.
— Может, заказать носильщика? — предложила она.
— Я уже заказала повозку. Она должна подъехать через несколько минут.
— Разумно.
Соседка поправила край скатерти на прилавке.
— А командир этот, который к вам приходил, строгий?
Я удивилась.
— Откуда вы знаете?
— Видела, как выходил. Такого мужчину трудно не заметить.
Я почувствовала, как щеки слегка потеплели.
— Он командир пожарной стражи.
— Это я поняла по форме. Спрашиваю, строгий?
Я задумалась.
— Требовательный. Но разговаривает спокойно.
— Уже хорошо.
— И внимательно слушает.
Ида усмехнулась.
— Вот это редкость.
— Ида!
— Что? Я ничего такого не сказала.
Она подняла руки, изображая невинность.
Я покачала головой.
— Мы обсуждали только работу.
— А я разве утверждала обратное?
Ответить было нечего.
Ида довольно улыбнулась и вышла на улицу посмотреть, не приехала ли повозка.
Я поспешно закрыла ящик.
Почему-то мне совсем не хотелось, чтобы соседка заметила, что я продолжаю улыбаться.
Учебный двор пожарной стражи располагался возле восточной городской стены.

Пока повозка ехала по узким улицам, я несколько раз проверила ремни на ящике.

Внутри лежали стеклянные флаконы, кожаные образцы, металлические пластины и набор измерительных полосок.

Часть материалов предоставил Рейнард.

Остальное я подготовила сама.

Когда мы выехали на широкую площадь перед каланчой, я впервые увидела учебный двор целиком.

Он оказался намного больше, чем я представляла.

Высокие каменные стены окружали просторную площадку с несколькими отдельными участками. Возле дальнего навеса стояли металлические щиты, бочки с водой и длинные лестницы.

По другую сторону двора возвышалась кирпичная башня с узкими окнами.

Оттуда доносились крики.

— Держи!

— Левее!

— Не отпускай, пока не закрепят!

Я обернулась.

Несколько стражников поднимали тяжелую лестницу к верхнему окну башни.

Один мужчина стоял внизу и отдавал команды.

Другой, совсем молодой, забирался наверх с такой скоростью, что мне стало не по себе.

Я остановилась возле ворот.

— Госпожа Бренн? — окликнул меня дежурный.

— Да.

— Вас ждут. Проходите к испытательному навесу. Командир подойдет.

Я поблагодарила его и направилась туда, куда он указал.

Повозку разрешили подвести ближе, чтобы разгрузить оборудование.

Пока возчик помогал снять ящик, я осматривалась.

На стене висели длинные крюки.

Рядом стояли емкости с песком.

У соседнего стола стражник проверял дыхательные маски и небольшие баллоны со сжатым воздухом. Он записывал показания каждого баллона, прежде чем передать снаряжение участникам учения.

Под навесом находился большой металлический стенд с несколькими рамами, закрепленными на подвижных держателях.

В дальней части размещалась паровая установка.

Все выглядело крепким, многократно использованным и совсем не парадным.

Мне понравилось.

Я всегда больше доверяла рабочим помещениям, в которых были следы настоящего труда, чем безупречно чистым залам, приготовленным специально для гостей.

— Доброе утро, госпожа Бренн.

Я обернулась.

Рейнард шел ко мне от кирпичной башни.

На нем была темная форма без парадных украшений. Рукава закатаны до предплечий, волосы немного растрепаны, на щеке виднелась тонкая полоска сажи.

Кажется, он уже успел поработать.

— Доброе утро, господин Керн.

Он посмотрел на ящик.

— Все привезли?

— Да.

— Тяжелый?

— Не очень.

Я попробовала поднять его за ручку.

И тут же пожалела о собственных словах.

Рейнард заметил.

На его лице появилось выражение, которое я не сумела сразу определить.

Что-то между улыбкой и желанием промолчать.

— Разрешите, — сказал он.

— Я могу сама.

— Не сомневаюсь.

Он немного подождал.

Потом добавил:

— Но мы все равно будем переносить его к стенду. Я как раз туда иду.

Я отпустила ручку.

— Хорошо.

Он поднял ящик без заметного усилия.

Я машинально посмотрела на его руки.

Рейнард заметил мой взгляд.

— Что-то не так?

— Нет. Просто осторожнее с правой стороной. Там стекло.

— Понял.

Он действительно понес ящик аккуратнее.

Не стал шутить о моей тревожности.

Не сказал, что лучше знает, как обращаться с тяжелыми вещами.

И это почему-то показалось мне приятным.

Мы поставили ящик возле стола.

Рейнард представил мне дежурного механика, который отвечал за нагревательный стенд. Невысокий мужчина с седыми усами сразу попросил список температур и длительности воздействия.

Я передала подготовленные листы.

Он изучил их и удовлетворенно кивнул.

— Все понятно. Начнем с сухого жара?

— Да, — ответила я. — Но сначала нужно проверить, что образцы одинаковы по материалу.

Механик показал приготовленные кожаные полосы.

Все они были вырезаны из одного большого листа и промаркированы.

Я осмотрела края, проверила толщину и записала номера.

Рейнард стоял рядом.

— Вы всегда так подробно готовитесь? — спросил он.

— К испытаниям?

— Да.

— Если результат важен, иначе нельзя.

Он кивнул.

— Согласен.

Я посмотрела на него.

— А вы всегда лично присутствуете при проверке снаряжения?

— Не всегда. Но после происшествия на красильне считаю необходимым разобраться.

— А ваш пострадавший стражник?

— Брам? Лечится.

— Как рука?

— Лучше. Вчера пытался убедить лекаря, что способен вернуться на службу.

— И что лекарь?

— Выставил его за дверь.

Я невольно рассмеялась.

Рейнард тоже улыбнулся.

Совсем немного.

Потом снова стал серьезным.

— Приступим?

Я кивнула. Мы еще раз сверили перечень оплачиваемых испытаний и подписали заказ. Пробу моего нового покрытия Рейнард разрешил провести после основной работы, на свободном стенде.

Первый образец был обработан старой пропиткой Дома Фалька в один слой.

Именно так, как я первоначально рекомендовала для печников и рабочих литейных мастерских.

Мы закрепили кожаную полосу на держателе, установили измерительные пластинки и включили нагревательный щит.

Температура постепенно поднялась.

Я следила за показаниями.

Механик отсчитывал время.

Рейнард стоял по другую сторону защитного стекла.

Первый опыт прошел хорошо.

Покрытие сохранило сцепление с кожей.

Внутренняя поверхность нагрелась меньше, чем у необработанного контрольного образца.

Никаких неожиданностей.

Я записала результат.

Второй опыт повторили с другой полосой.

Он тоже оказался успешным.

— Значит, состав работает, — заметил Рейнард.

— В этих условиях — да.

— Именно в этих?

— Конечно. Мы проверили кратковременное воздействие сухого жара. Не больше.

Он кивнул.

— Хорошо. Продолжайте.

Я взяла следующую полосу.

На этот раз покрытие было нанесено повторно, без полной очистки первого слоя.

Так предлагала инструкция из новой партии. Она обещала и длительную защиту, поэтому время сухого нагрева теперь увеличили.

Мы закрепили образец.

Механик включил установку.

Первые несколько мгновений все выглядело нормально.

Потом между слоями появились маленькие пузырьки.

Я наклонилась ближе к защитному стеклу.

— Уменьшите нагрев.

Механик выполнил просьбу.

Еще через несколько мгновений покрытие начало отходить от кожи.

Я подняла руку.

— Остановите.

Установку выключили.

Я дождалась, пока образец остынет, затем осторожно сняла его с держателя.

На сгибе защитный слой почти полностью отделился.

Я показала повреждение Рейнарду.

— Вот.

Он нахмурился.

— Похоже на перчатки Брама.

— Похоже. Но нужно проверить воздействие пара.

— Почему?

— Потому что при сухом нагреве покрытие повредилось не полностью. На красильне условия были другими.

Рейнард внимательно осмотрел образец.

— Вы можете сказать, что произошло бы, если бы человек продолжал работать в таких перчатках?

— Точно — нет. Но после отслаивания защита становится ненадежной.

Я перевернула полосу.

— Особенно на сгибах. Человек двигает пальцами, материал меняет форму. Если покрытие перестает держаться, горячий воздух или пар могут попасть к коже.

Он ничего не ответил.

Только положил образец рядом с поврежденной перчаткой.

Я заметила, как напряглась его челюсть.

Наверное, он снова вспомнил Брама.

Проверка с паром оказалась еще неприятнее.

Мы использовали новую полосу с повторно нанесенной пропиткой.

Механик настроил установку.

На этот раз горячий влажный воздух подавался короткими контролируемыми порциями.

Второй слой начал размягчаться почти сразу.

На третьем воздействии край покрытия приподнялся.

На четвертом появились трещины.

Я попросила прекратить испытание.

Когда образец остыл, стало видно, что часть покрытия держится лишь по краям.

Я провела по нему металлическим зажимом.

Тонкая пленка отошла.

Рейнард стоял молча.

Я записала результат.

Потом положила перо.

— Для вашей работы эта пропитка при таком способе применения не подходит.

Он поднял глаза.

— Совсем?

— Как универсальная защита — нет. Для отдельных условий она может быть полезна. Но при тушении пожаров вы не сможете заранее гарантировать, что человек столкнется только с сухим жаром.

— Мы используем воду, — сказал Рейнард. — Иногда приходится работать в облаках пара. Бывает, что горят алхимические вещества.

— Именно.

Он медленно выдохнул.

— В моей заявке поставщику было указано, что нам требуется защита от высокой температуры.

Я посмотрела на него.

— Без подробного описания условий?

— Да.

— А потом?

— Потом я принял предложение Дома Фалька. В документах обещалась защита от любого пламени. Я запросил подтверждение испытаний.

— И вам его предоставили?

— Общий акт. Без отдельных результатов по влажному нагреву.

Я нахмурилась.

— Но это совсем не одно и то же.

— Теперь вижу.

Он сказал это без раздражения.

Я невольно ждала, что начнет оправдываться.

Объяснять, что у него слишком много обязанностей.

Что продавец должен был предупредить.

Что разобраться во всех составах невозможно.

Но Рейнард поступил иначе.

— Я недостаточно подробно описал условия работы отряда, — произнес он. — И не настоял на проверке каждого из них. Это моя ошибка.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Вы не могли знать всех особенностей состава.

— Не мог. Поэтому и должен был спросить.

Он взял поврежденную полосу.

— В следующий раз буду требовать отдельные результаты для пара, воды и повторного нагрева.

Я молчала.

В большой мастерской ошибки тоже случались.

Неудачное сырье.

Неправильно рассчитанная партия.

Поврежденная тара.

Но Эдгар редко признавал, что проблема возникла из-за его собственного решения.

Обычно находился кто-нибудь другой.

Поставщик.

Младший мастер.

Рабочий.

Иногда я.

А этот мужчина просто назвал свою ошибку.

И продолжил заниматься делом.

— Так и нужно, — сказала я наконец.

Рейнард посмотрел на меня.

— Что?

— Требовать отдельные испытания. Это разумно.

Он слегка улыбнулся.

— Рад, что мы согласны.

Мы продолжили работу.

Я сравнила повреждения, проверила образцы из разных флаконов и записала предварительные выводы.

Состав не был бесполезным.

Он выполнял то, для чего первоначально создавался.

Но новая инструкция обещала гораздо больше.

И именно это делало ее опасной.

К полудню у меня уже было достаточно материалов для первого заключения.

Оставался опытный образец.

Я достала его из ящика.

Рейнард подошел ближе.

— Это что-то другое?

— Моя новая проба.

Он взял лист с описанием.

— Минеральное покрытие?

— Да. Я попыталась изменить основу, чтобы уменьшить чувствительность к влажному нагреву.

— И как результат?

Я честно ответила:

— Пока не знаю. Это первый образец для серьезной проверки.

Он кивнул.

— Тогда попробуем.

Я развернула кожаную полосу.

Поверхность выглядела ровной.

Серый слой плотно прилегал к материалу.

При слабом нагреве он показал себя неплохо.

Но этого было недостаточно.

Мы закрепили образец на стенде.

Механик включил нагрев.

Первые несколько мгновений все шло хорошо.

Покрытие не размягчалось.

Я почувствовала осторожную надежду.

Вот оно.

Может быть, я действительно нашла подходящее направление.

Может быть, после всех этих лет работы на Эдгара сумею создать что-то совершенно свое.

Я даже представила маленький флакон с новой этикеткой.

«Нора Бренн».

Без чужой фамилии.

Без чужого герба.

Но затем механик изменил положение держателя, проверяя поведение покрытия на сгибе.

Послышался тихий щелчок.

Я насторожилась.

На поверхности появилась тонкая трещина.

Потом еще одна.

Минеральная пленка оставалась твердой, но не выдерживала движения материала.

Я почувствовала, как внутри все сжалось.

— Подождите, — попросила я.

Механик остановил перемещение держателя.

Я внимательно посмотрела на образец.

Трещина проходила вдоль самого нагруженного участка.

Если бы это были настоящие перчатки, повреждение оказалось бы на сгибе пальца.

Именно там, где защита особенно необходима.

— Можете продолжать? — спросил Рейнард.

Я медленно выдохнула.

Очень хотелось сказать «да».

Попросить еще несколько мгновений.

Посмотреть, выдержит ли покрытие хотя бы влажный нагрев.

Может быть, проблема окажется не такой серьезной.

Может быть, я сумею объяснить ее недостаточной подготовкой кожи.

Может быть...

Я заставила себя остановиться.

— Нет.

Рейнард повернулся ко мне.

— Почему?

— Испытание нужно прекратить.

— Образец поврежден?

— Да.

Я показала трещину.

— Покрытие потеряло целостность при обычном сгибании. Дальнейший результат не скажет нам, как оно поведет себя на рабочей одежде. Сначала нужно исправить эту проблему.

Он внимательно осмотрел образец.

— А если проверить его только на неподвижной поверхности?

— Можно. Для изучения самого материала. Но не для оценки защиты перчаток.

Механик выключил нагреватель.

Я стояла рядом, чувствуя себя ужасно глупо.

Вчера вечером мне казалось, что я наконец приблизилась к настоящему решению.

Сегодня образец не выдержал даже простого движения.

Я достала журнал.

Записала результат.

Потом еще раз осмотрела трещину.

Руки немного дрожали.

Мне хотелось спрятать неудачный образец.

Сказать, что он приготовлен слишком поспешно.

Что обычно мои составы работают лучше.

Что это всего лишь предварительная проба.

Все было бы правдой.

Но ничего не меняло.

Образец оказался плохим.

Рейнард смотрел на меня.

— Госпожа Бренн?

— Да?

— Вы расстроились?

Я хотела ответить, что нет.

Но это было бы совсем нелепо.

— Конечно, — призналась я. — Я надеялась на лучший результат.

— Понимаю.

Я отвернулась к столу.

— Возможно, стоило сначала провести дополнительные испытания у себя.

— Здесь у вас есть подходящее оборудование, — напомнил он.

— Есть. Но я потратила ваше время.

Рейнард нахмурился.

— Вы приехали проводить испытания. Мы их провели.

— Но новый состав не прошел проверку.

— Значит, теперь известно, что именно нужно исправлять.

Я посмотрела на него.

Он произнес это так спокойно, будто речь шла о чем-то совершенно обычном.

Наверное, для него так и было.

В пожарной страже люди постоянно тренировались.

Ошибались.

Исправляли ошибки.

Снова пробовали.

Я знала это разумом.

Но почему-то только сейчас почувствовала.

Неудача не обязательно означала унижение.

— Вы не разочарованы? — спросила я.

Рейнард немного удивился.

— Я рассчитывал получить надежный состав, — ответил он. — Пока его нет. Но вы не пытались убедить меня, что треснувшая пленка годится для работы.

Я опустила глаза.

— Это было бы нечестно.

— Вот именно.

Он помолчал.

Потом добавил:

— Мне гораздо спокойнее работать с человеком, который сам останавливает опасное испытание.

Я почувствовала, как напряжение понемногу отпускает.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не стали делать вид, будто я зря сюда приехала.

Рейнард нахмурился еще сильнее.

— Но вы не зря приехали.

Я невольно рассмеялась.

— Вы удивительно упрямый человек, господин Керн.

— Мне часто об этом говорят.

— И что вы отвечаете?

— Обычно напоминаю, что распоряжение все равно придется выполнить.

Я рассмеялась уже по-настоящему.

Он улыбнулся.

На этот раз заметнее.

Мне стало легче, хотя трещина никуда не делась и большая часть работы только начиналась. Рядом стоял человек, который не требовал, чтобы я всегда была безупречной.

После испытаний мы перенесли образцы к рабочему столу.

Механик помог упаковать поврежденные полосы, подписал журнал и отправился заниматься оборудованием.

Я осталась составлять предварительное заключение.

Рейнард принес два стакана воды.

— Вы с утра что-нибудь ели? — спросил он.

— Завтракала.

— Давно?

Я посмотрела на часы.

Было почти два.

— Кажется, давно.
Он поставил передо мной стакан.
— Тогда сделайте перерыв.
— Мне нужно закончить записи.
— Они подождут десять минут.
Я подняла брови.
— Это приказ?
Рейнард посмотрел на меня.
Потом совершенно серьезно ответил:
— Нет. Предложение.
Я улыбнулась.
— Тогда принимается.
Мы сели на деревянную скамью возле навеса.
Я достала пирог, который утром принесла Ида.
Развернула сверток.
Половина крошек сразу посыпалась на колени.
Рейнард посмотрел на пирог.
— Домашний?
— Соседка испекла.
— Хорошая соседка.
— Очень.
Я разломила пирог пополам.
— Хотите?
Он помедлил.
— Не откажусь.
Мы ели, наблюдая за учебным двором.
Несколько молодых стражников отрабатывали подъем по лестнице.
Один двигался слишком быстро.
Рейнард заметил это первым.
— Осторожнее на третьей ступени! — крикнул он.
Парень остановился, поправил положение ноги и продолжил подъем.
Я посмотрела на командира.
— Вы замечаете все?
— Нет.
— Но стараетесь?
— На работе приходится.
Он откусил кусочек пирога.
— Вкусно.
— Передам Иде.
— Она печет на продажу?
— Нет. У нее швейная мастерская.
— Тогда жаль.
Я улыбнулась.
Некоторое время мы сидели молча.
Ветер принес запах мокрого камня и дыма.
Где-то за городской стеной громко прокричала птица.
Потом над башней показалась огромная темная тень.
Я подняла голову.
Дракон.

Он пролетел высоко, сделал широкий круг и направился к открытой площадке за стеной.

Крылья отливали медью.

Я проводила его взглядом.

— Один из ваших? — спросила я.

Рейнард тоже посмотрел наверх.

— Да. Возвращается с разведки.

— Красивый.

— Не говорите ему. Еще больше загордится.

Я рассмеялась.

— А вы тоже летаете на разведку?

— Иногда.

Он посмотрел на узкое окно учебной башни.

— Сверху хорошо видно, куда идет огонь. Но за людьми в такие окна приходится забираться человеком. Да и чешуя от дыма не спасает.

— Давно не обращались?

Он посмотрел на меня с легким удивлением.

— Вчера.

Я моргнула.

— Правда?

— Правда.

Я невольно представила его в драконьем облике.

Почему-то это оказалось гораздо интереснее, чем я ожидала.

— И какой вы? — спросила я.

Рейнард приподнял бровь.

— В каком смысле?

— Цвет.

— Темно-бронзовый.

Я кивнула.

— Наверное, красиво.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Смотря кто смотрит.

Я вдруг почувствовала себя неловко.

Совершенно незачем было задавать такие вопросы.

Мы едва знакомы.

Он мой заказчик.

Я приехала сюда работать.

А сама сижу и интересуюсь цветом его чешуи.

Я поспешно отряхнула крошки с платья.

— Мне пора заканчивать заключение.

Рейнард поднялся.

— Конечно.

Он не выглядел ни обиженным, ни удивленным.

Мы вернулись к столу.

Я подробно записала результаты испытаний.

Указала, что исходная пропитка выполняла свое назначение при кратковременном сухом нагреве.

Отдельно описала повреждения при повторном нанесении: после длительного сухого нагрева и при воздействии пара.

Подчеркнула, что для установления причин происшествия с Брамом необходимо дополнительно изучить условия применения и точную производственную партию.

Потом внесла результат собственной опытной разработки.

«Образец не выдержал механического изгиба. К дальнейшей проверке в качестве защитного покрытия для подвижного снаряжения не допущен».

Я перечитала последнюю строку.

Поморщилась.

И оставила без изменений.

Рейнард внимательно изучил документ.

— Здесь все, что мы установили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.